

840.989

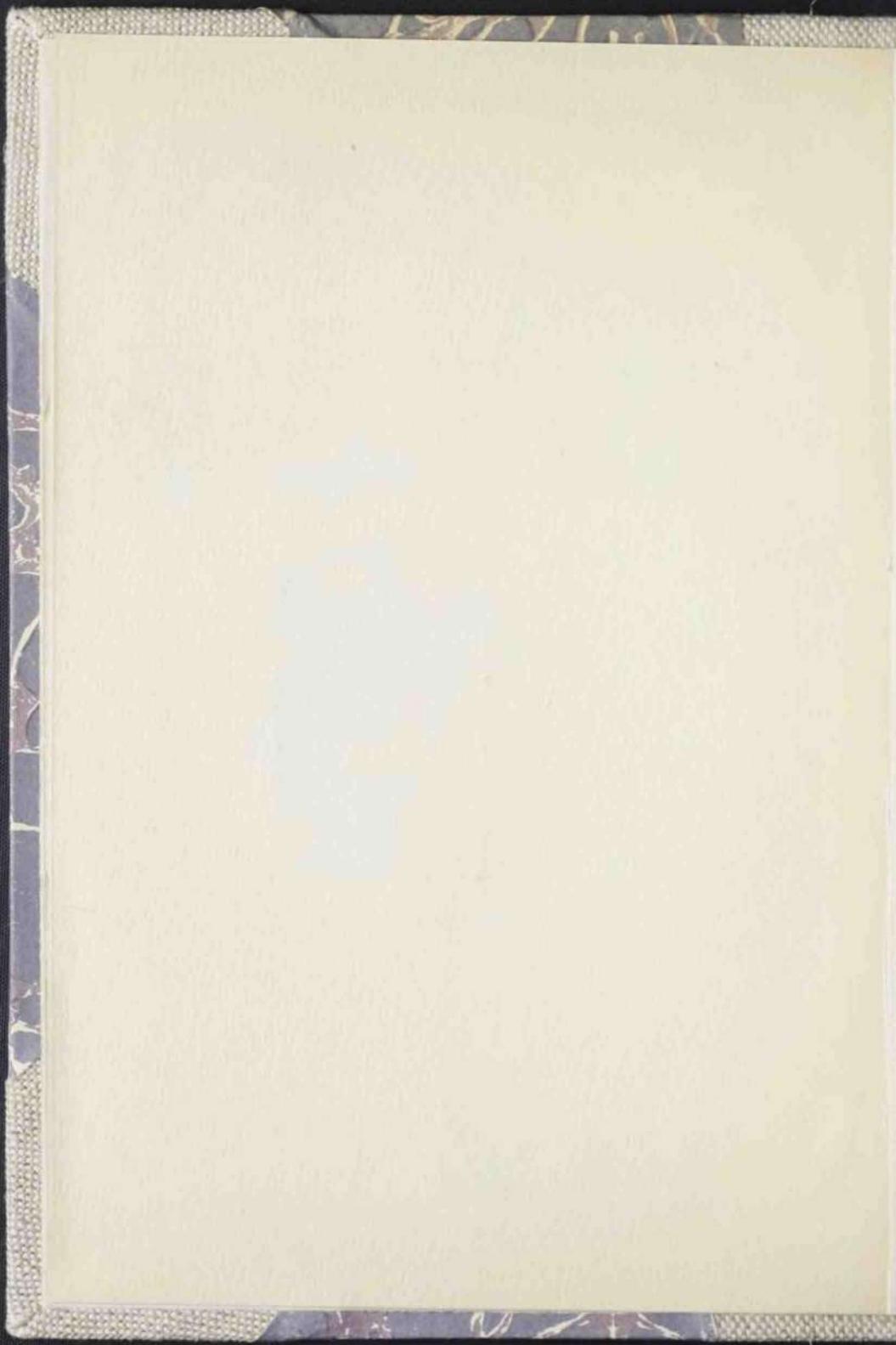
824

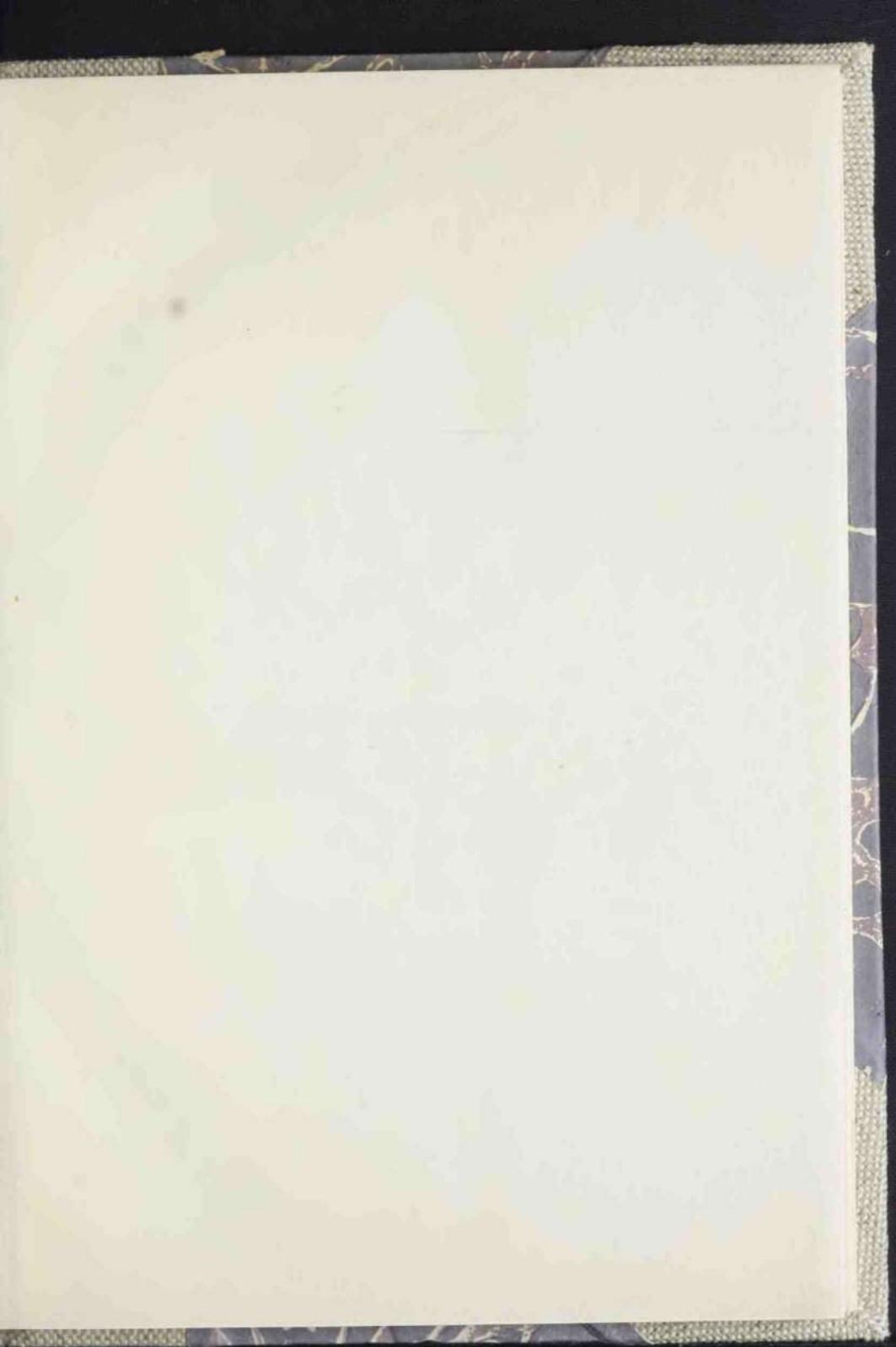
ЛНЪ КАСПРОВИЧЪ

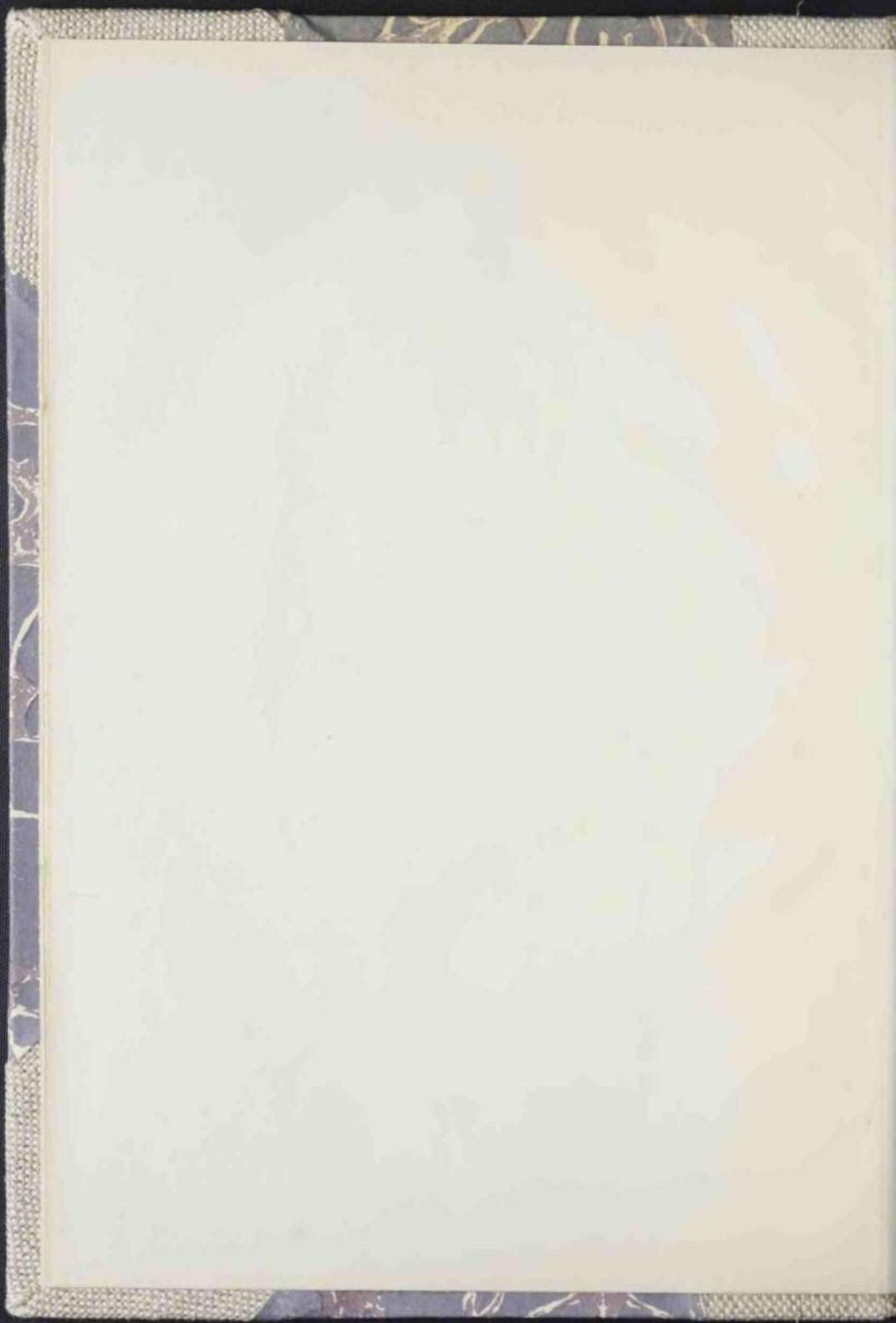
КНИГА СМІРЕННИХЪ

ПЕРЕВОДЪ
СЪ
ПОЛЬСКАГО
К.Д.
БАЛЬМОНТА

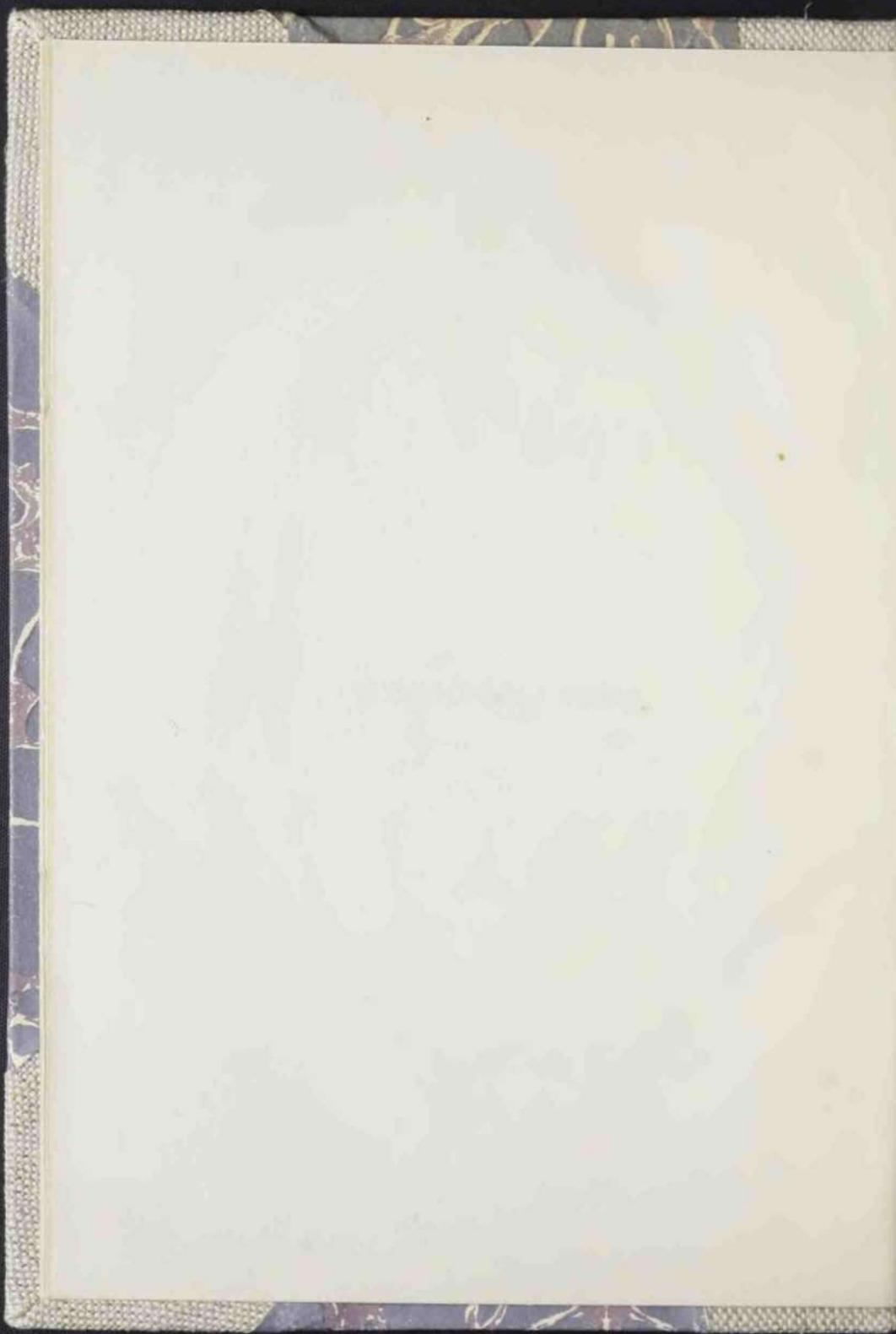
, 2 ,
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДОБРО» ВАРШАВА

КНИГА СМИРЕННЫХЪ

ЯНЬ КАСПРОВИЧЪ

КНИГА
СМИРЕННЫХЪ

Переводъ съ польского
и
предисловіе
К. Д. БАЛЬМОНТА

1 9 2 8

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДОБРО“, ВАРИНАВА

Всѣ права сохранены за Издательствомъ
Copyright by „Dobro“, 1928.

Zakl. Graf. E. i D-ra K. Koziańskich w Warszawie

1993 D 824

Vaere dig selv...

Henrik Ibsen

Быть самимъ собой...

Генрикъ Ибсенъ

Янъ Каспровичъ несомнѣнно самый значительный, поэтически и просто человѣчески, польскій поэтъ конца 19-го вѣка и начала 20-го. Послѣ молнийныхъ, блистательно-глазовыхъ польскихъ поэтовъ первой половины 19-го вѣка, Мицкевича, Словацкаго, Красинскаго и Норвида, послѣ ряда такихъ писателей Польши, которые съ одной стороны верховно означаются въ Сенкевичъ, а съ другой — въ Жеромскомъ и Пшибышевскомъ, недочерченнымъ былъ бы кругъ, недовершеннымъ было бы художественное изображеніе духа польского народа, если бы не было въ Польши Яна Каспровича и Станислава Выспян-

скаго. Касповичъ и Выспянскій—две золотыя скрѣпы, два желѣзныя обруча, два мѣткострѣльные копья, и чрезъ нихъ весь міръ можетъ видѣть, что духъ Польскаго нафода—мощный, цѣльный, рыцарскій, полный крѣпкаго выдыханія земли и всегда чующий, что надъ этой землею—непреложное небо, съ своимъ Солнцемъ и Луной, съ своимъ звѣзднымъ краснорѣчіемъ ночи, правящимъ нашими человѣческими судьбами.

Сынъ крестьянина и утонченный аристократъ духа, Янъ Касповичъ—зарховное выраженіе сильной личности, которая не можетъ лишиться съ историческими несправедливостями и съ разладомъ въ первоосновахъ Мірозданія. Онъ есть кликъ къ Міру и къ правдѣ Міфа. Безъ такихъ вскликовъ, исходящихъ изъ душъ избраниковъ, не можетъ быть закрытымъ самосознаніе отдельного народа и не могло бы свершаться общечеловѣческое дѣланіе, направленное къ достижению счастья всѣхъ людей.

Янъ Касповичъ родился 12-го декабря 1860-го года, умеръ 2-го августа 1926-го года. Онъ жилъ бы дольше, будучи человѣкомъ могучей тѣлесной силы, если бъ его неутолимый духъ такъ не горѣль и не сжигалъ себя неистово за всѣ годы его жизни.

Въ немногихъ словахъ невозможно даже винти-
не означить все богатство его литературныхъ до-
стиженій. Хочется только указать, что будучи
сильнымъ поэтомъ, самъ онъ также былъ и пре-
краснымъ возсоздателемъ великихъ міровыхъ по-

этотъ, онъ былъ роднымъ братомъ Эсхила и Шекспира, онъ, супровый, былъ роднымъ братомъ пъжинийшаго Шелли.

Изъ его книгъ послѣдняя его книга „Мой міръ“ и предшествовавшая ей „Книга Смиренныхъ“ казнутся мнъ наивысшимъ достижениемъ его творчества. Здѣсь до конца мятущійся, но все же и успокіеній, титаническій его духъ нашелъ поэтическое выраженіе величайшей простоты и чистоты. Такъ прости въ своей сложности бывають лишь кристаллы, листья деревьевъ и разлитія долгій празднующихъ свое бытіе на небѣ вечерніхъ зорь. „Книга Смиренныхъ“ не только безупречная художественно книга, она является духовнымъ дѣланіемъ, безъ котораго не можетъ жить человѣкъ, безъ котораго начинается убыль духа. Здѣсь полная правда озареннай, мыслящей души, скромно, но четко означающей размахъ и предѣлы человѣческой воли, желающей быть благою.

Изъ другихъ книгъ Каспировича особенно выразительны, частично мною уже переведенные на русскій языкъ, „Минуты“ и „Кустъ дикой розы“, и, переведенная на русскій языкъ цѣлкомъ, органическая „Моя Пѣснь Вечерняя“.

Выпуская въ свѣтъ мой переводъ „Книги Смиренныхъ“, съ которою духовно я живу и неизлучно долгое время и въ которой черпалъ для себя утешенія и новую гордость, новую бодрость для новыхъ — пусть малыхъ — подсиговъ жизни, я хотѣлъ бы повторить тѣ слова свои, что были мною

сказали, когда я узналъ два года тому назадъ скорбную вѣсть, что великий польскій поэтъ ушелъ съ Земли навсегда, хоть всегда онъ будетъ жить въ своей родной странѣ: „На послѣдней страницѣ своей благословенной книги Янъ Каспировичъ говоритъ, что черезъ его мостъ не перейдутъ томы, но, быть можетъ, на той сторонѣ глянетъ на него хоть одна душа. Вотъ, она глядитъ. И толпы въ свой часъ пройдутъ этотъ мостъ тоже. Въ день возстанія изъ мертвыхъ, въ воскресеніе, закрылись глаза уснувшаго. Великое воскресеніе намъ, Русскимъ, обѣщаетъ великій нашъ Польскій Братъ“

Capbreton, Landes.

Little Cottage.

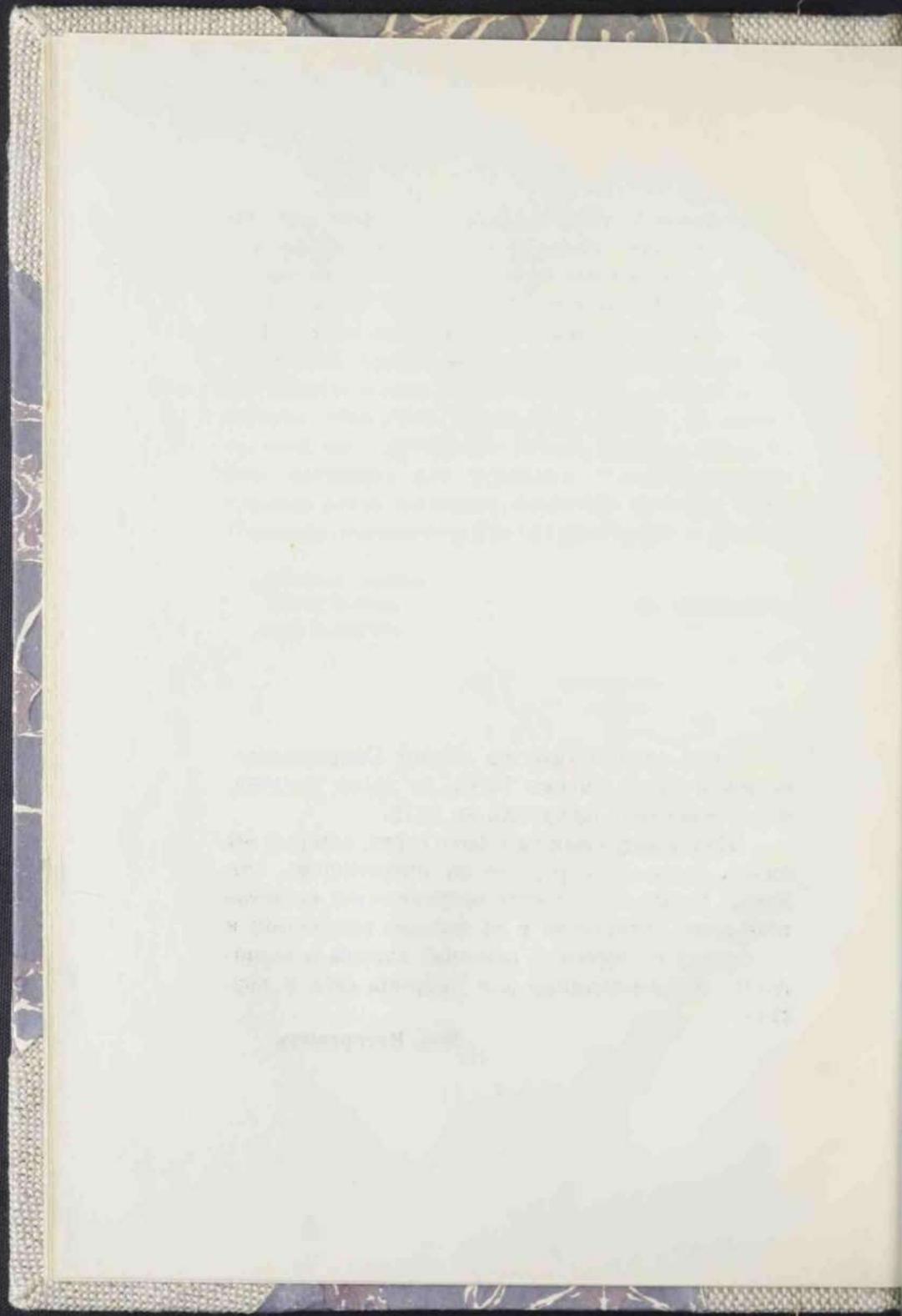
1928. 2 апрѣля.

К. Бальмонтъ.

Стихи, заключенные въ «Книгѣ Смиренныхъ»,
возникли предъ ликомъ Татръ, во время ежеднев-
ныхъ одинокихъ прогулокъ въ полѣ.

Нѣть между ними ни одного стиха, который бы
имѣлъ какое-либо родство съ письменнымъ сто-
ломъ. Этимъ объясняется отличительное свойство
этой книги, одинаково и въ смыслѣ содержанія и
въ смыслѣ ея формы — записная книжка и каран-
дашъ, использованные для умиренія себя и дру-
гихъ.

Янъ Каспровичъ.

Полюбила душа моя, любить
Тихий шелестъ деревъ,
Когда ихъ вершины качаетъ,
Другъ мой, вѣтеръ, запѣвъ.

Полюбила душа моя, любить
Волыть голосистую сталь,
Когда, другъ мой, буря взметается ихъ.
Уходящихъ въ безвѣстную даль.

Полюбила душа моя, любить
Сіянія творческихъ зорь,
Когда, другъ мой, солнце имъ въ мірѣ
Молвить: «Съ мраками споры!»

Полюбила душа моя, любить
Пропастной ночи размахъ,
Когда, другъ мой, смерть на охоту
Летитъ, а предъ нею страхъ.

1860 - 1861 - 1862 - 1863 - 1864 - 1865 - 1866 - 1867 -

1868 - 1869 - 1870 - 1871 - 1872 - 1873 - 1874 - 1875 -

1876 - 1877 - 1878 - 1879 - 1880 - 1881 - 1882 - 1883 -

1884 - 1885 - 1886 - 1887 - 1888 - 1889 - 1890 - 1891 -

1892 - 1893 - 1894 - 1895 - 1896 - 1897 - 1898 - 1899 -

1900 - 1901 - 1902 - 1903 - 1904 - 1905 - 1906 - 1907 -

1908 - 1909 - 1910 - 1911 - 1912 - 1913 - 1914 - 1915 -

1916 - 1917 - 1918 - 1919 - 1920 - 1921 - 1922 - 1923 -

1924 - 1925 - 1926 - 1927 - 1928 - 1929 - 1930 - 1931 -

1932 - 1933 - 1934 - 1935 - 1936 - 1937 - 1938 - 1939 -

1940 - 1941 - 1942 - 1943 - 1944 - 1945 - 1946 - 1947 -

1948 - 1949 - 1950 - 1951 - 1952 - 1953 - 1954 - 1955 -

1956 - 1957 - 1958 - 1959 - 1960 - 1961 - 1962 - 1963 -

1964 - 1965 - 1966 - 1967 - 1968 - 1969 - 1970 - 1971 -

1972 - 1973 - 1974 - 1975 - 1976 - 1977 - 1978 - 1979 -

1980 - 1981 - 1982 - 1983 - 1984 - 1985 - 1986 - 1987 -

1988 - 1989 - 1990 - 1991 - 1992 - 1993 - 1994 - 1995 -

1996 - 1997 - 1998 - 1999 - 2000 - 2001 - 2002 - 2003 -

2004 - 2005 - 2006 - 2007 - 2008 - 2009 - 2010 - 2011 -

2012 - 2013 - 2014 - 2015 - 2016 - 2017 - 2018 - 2019 -

2020 - 2021 - 2022 - 2023 - 2024 - 2025 - 2026 - 2027 -

2028 - 2029 - 2030 - 2031 - 2032 - 2033 - 2034 - 2035 -

2036 - 2037 - 2038 - 2039 - 2040 - 2041 - 2042 - 2043 -

2044 - 2045 - 2046 - 2047 - 2048 - 2049 - 2050 - 2051 -

1

Привѣтъ вамъ, любимыя горы,
И воды родного потока,
Воть снова мы вмѣстѣ, я съ вами,
А былъ въ отлученіи, далеко.

Насъ люди толпой раздѣляли,
И города грохотъ крикливый,
И жалкое то истомленье,
Что въ рѣчи живеть неправдивой.

Далекія шири, пространства,
Безплодныя глуши пустыни,
Ихъ только тоска прерываеть,
И мчить мою душу къ вамъ нынѣ.

Опа - то меня и пригнала,
И око здѣсь смотрится въ око,
Вода, какъ шумишь ты, я слышу,
Широко шумишь и глубоко.

Такъ. Виенмлю, хожу и смотрю я,
Какъ мило здѣсь сердцу! Какъ мило!
Слѣжу, въ чёмъ прошла перемѣна,
Что тѣмъ же осталось, чёмъ было.

Все то, лишь въ избѣ придорожной
Нѣть больше стариннаго друга,
Да ивы, двѣ ивы, засохли,
Не видятъ весенняго луга.

Но ясени наши покрылись
Зеленою, свѣжей листвою,
И лютники ярко златятся,
Нескошеннай рдѣютъ травою.

Дыханіе вѣчности вѣтеть,
Плыть по зеленому полю,
Изъ смерти творить возрожденье,
Примитъ мои мысли и долю.

Привѣтъ вамъ, любимыя горы,
И воды родного потока,
Вотъ сиова мы вмѣстѣ, и съ вами,
А былъ такъ далеко, далеко.

2

Средь той же, все той же природы
Хожу я по тѣмъ же тропамъ,
Меня не отвадили годы, —
Гдѣ раныше быль, снова быть тамъ..

Упорство мое — дивованье
Для душъ, что хотять перемѣнъ,
Мнѣ радость, не нудность — скитанье,
Въ одномъ быть и томъ же — не плѣнъ.

Близъ бора, близъ ельника, съ краю,
По склону одинъ прохожу,
И творческій Часть привѣчаю,
Обычуо вѣрно служу.

Я свѣжіе вижу побѣги
На кончики вѣтокъ смотрю,
«Ты, Солнце, въ зиждительномъ бѣгѣ!»,
Шепчу, провожая зарю.

Вотъ здѣсь, предъ очами моими,
Громады сиѣжистыхъ высотъ.
Отсюда мнѣ видно, надъ ними,
Какъ синью укрыть небосводъ.

У ногъ моихъ здѣсь земляника,
Такъ дѣтски, такъ юны цвѣты,
Тамъ вѣтка, торчащая дико,
Разбить ее громъ съ высоты.

Сломилъ ее въ прошлое лѣто
Я помню грозу на пути,
И съ тайпою мѣра и свѣта
Не скучно мнѣ дальние идти.

Не скучно идти мнѣ все далѣ,
По тѣмъ же дорогамъ холмовъ: —
Я знаю, чего не познали
Вожди торопливыхъ шаговъ.

Вотъ малое деревцо это, —
Не нужно дубравы въ гудьбѣ! —
Мнѣ шепчеть шуршаньемъ привѣта:
«Есть Богъ, — и чего же тебѣ!»

Тотъ отрокъ, бродя на досугѣ,
Мнѣ молвить глазами въ глаза: —
«Въ твоемъ безъизмѣнчивомъ кругѣ
Вся Вѣчность съ тобой, бирюза . . .»

Средь той же, все той же природы
Хожу я по тѣмъ же путямъ,
Меня не отвадили годы, —
Гдѣ раньше были, снова быть тамъ.

3

Здѣсь ничего нѣть такого,
Нѣть здѣсь чудесъ образцовыхъ. —
Глыбы гранита — фундаментъ.
Хата — изъ бревенъ еловыхъ.

Садикъ предъ хатою малый,
Въ немъ, — о, усталые люди! . —
Ясени отдыхъ блюдутъ наши: —
Ровно - ли дышуть здѣсь груди.

Ясень верхушку расширилъ, —
Люди, что страхомъ томимы!, —
Прямо надъ крышею дома,
И голубѣютъ тамъ дымы.

Здѣсь ничего нѣть такого,
Вонь подъ заборомъ дорога,
Такъ, а куда и откуда,
Мыслю объ этомъ немнogo.

Да и къ чему любопытствомъ,
Люди, вашъ духъ такъ отравленъ? —
Утро горитъ надъ дорогой,
Въ блескахъ весь путь тотъ расплавленъ.

Ахъ, и куда вы спѣшите? —
Люди со вздохомъ: «Тоска мнѣ!» —
Лѣсь тутъ, потокъ тутъ рокочеть,
Горные будить онъ камни.

Здѣсь ничего нѣть такого,
Звонъ прозвучалъ съ колокольни,
Въ дремѣ юньскихъ полудней
Лугъ все цвѣтится привольнѣй.

Сердце безъ всякаго сглаза, —
Люди, что въ чаянны правы!, —
Видя, какъ нѣжно умѣютъ
Смѣхомъ наполниться травы.

Здѣсь, на порогѣ я хаты, —
Люди скучныхъ накоплений!, —
Руки простеръ и сбираю
Клады Господнихъ владѣній.

Здѣсь ничего нѣть такого,
Зори какое же чудо?
Бояки огни надъ горами,
Рдѣютъ пожаромъ оттуда.

Вотъ и погасли. Какъ скоро! —
Люди, что къ жизни такъ жадны! —
Кто - жъ здѣсь дивится, что пламень
Въ сумракъ уходитъ прохладный.

Глубь голубыхъ этихъ мраковъ, —
Люди, въ комъ гыбы и томленье!, —
Въ духъ миѣ струить достовѣрность,
Чуда съ нечудомъ сплетеніе.

Здѣсь ничего нѣть такого,
Нѣть здѣсь чудесъ образцовыхъ: —
Глыбы гранита — фундаментъ,
Хата — изъ бревенъ еловыхъ.

O dolce far niente!
O dolce far niente!

О, сладкая истома!
Досугъ и почиванье!
На небѣ тучъ гулянье,
Въ нихъ дождь и бремя грома!

Шатнулся листъ на древѣ,
Самъ Богъ дохнулъ въ томъ вздохѣ,
Листва въ переполохѣ,
Всѣ листья — вдругъ въ напѣвѣ.

Онъ смолкъ и не успѣло
Понять людское сердце —
О, сердце иновѣрца! —
Ту тайну безъ предѣла.

Въ горахъ бѣло отъ снѣга,
Но Солнце возрастаетъ,
Онъ таетъ, пропадаетъ,
Въ горахъ — и паръ, и пѣга.

Чу, буря съ громомъ мглистымъ,
Ярится, налетая, —
Вотъ бабочка златая
Надъ лютикомъ златистымъ.

Промчалась стороною
Гроза, роняя эхо, —
Въ болотѣ пламя смѣха,
Косатикъ надъ водою.

Ты руки протяни мнѣ,
Замкни уютъ объятья: —
Вопью всю благодать я,
Солью всѣ звуки въ гимнѣ.

О, непонятность чуда!
Сапфиръ небесъ безъ складки!
Родныхъ очей загадки!
Они пдуть откуда?

O dolce far niente!

O dolce far niente!

Тѣ въ городѣ поспѣшили,
Идутъ другіе въ полѣ, —
Я дома и на волѣ,
Вся жизнь въ цвѣтистой пыли.

Беру я въ руки книгу,
Тамъ мудрость человѣка
Отъ вѣка и до вѣка . . .
Она подобна игу.

Вдругъ голуби вспорхнули,
Всѣ мысли улетѣли, —
Я не съ людьми въ ихъ дѣлѣ,
Я не съ людьми въ ихъ гулѣ.

Тамъ, гдѣ - то, пыль клубится,
Мнѣ мало въ этомъ страха,
Стряхну я цѣпкость праха,
Моя тропа мнѣ снится.

Иду - ли въ глубь я съ тѣмью
Или съ чрезмѣрнымъ свѣтомъ,
Не знаю, — что мнѣ въ этомъ? —
Я чую, ты со мною.

Двѣ радуги взнесены,
На горизонтѣ ярки,
Въ двойной цвѣтистой аркѣ
Семь красокъ упоены.

Вино изъ винницъ Солнца,
Струя съ небесной крыши,
Испей — и кубокъ выше,
Тки вѣчно волоконце.

O dolce far niente!

О, кладъ, — изъ всѣхъ богатый,
Души ослаѣшей пѣнье!
Блескъ остраго прозрѣнья,
Въ часъ отдыха зачатый!

O dolce far niente!

5

Не въ одномъ я пиру былъ веселомъ, —
Вы услышьте мой голосъ, друзья!, —
Мы жужжали, подобные пчеламъ,
Ученикъ - то понятливый я,
И не худшая школа моя.

Если будничность въ домъ твой открытый
Затащилась съ прожорливымъ ртомъ, —
Гей, мой вечеръ, тоскою повитый!, —
Сердце въ кладѣ своемъ золотомъ
Не скучится, и все пусть вверхъ дномъ.

Развѣ чѣмъ - нибудь я дорожился?

Для реченья свободный быль ходъ, —
Сразу кубокъ легко возносился, —

Валъ бѣжитъ? Такъ за валомъ впередъ!, —
Въ вашу честь изливается медъ.

Вотъ вамъ звѣрь, онъ глядить, распаленный,

Какъ вы рады, вы рады ему, —
Водоемы заботы бездонны, —

Пламень взоровъ укрылся во тьму,
Какъ вино, что плыветъ по всему.

Божій вѣстникъ мелькалъ въ разговорѣ,

Обнималъ пась, блюдя свой чередъ, —
Я люблю доторѣвшія зори, —

Одипаковъ, щепталъ онъ намъ, счетъ,
Все равно, кто живеть, кто умреть.

Было любо вамъ въ мигъ привѣта
Размахнуться свободной душой, —

О, плодами богатое лѣто!, —
Безъ оглядокъ на разумъ чужой,
Что избытокъ глушить цвѣтневой.

Было любо и то вамъ, что знали,
Что минутъ у меня есть запасъ, —

Какъ намъ знать, гдѣ развѣемъ печали!, —
Чтобы въ гости вѣсть всѣхъ еще разъ
Пригласить на привѣтственный часъ.

И блюду я завѣтную силу,
Вѣрио щедрое слово даваль, —
Тамъ не мнѣ вырываютъ могилу, —
На свиданье, на полный бокаль
Я зову васъ, какъ прежде васъ звалъ.

Я живу въ превосходиѣшемъ залѣ, —
Любить хвастаться сердце мое, —
Кругозоры звено здѣсь сковали,
И обширно мое здѣсь жилье.
Солнце въ крылѣ, лелѣть ее

Посмотрите, ковры здѣсь какіе,
Четко ткала ихъ Божья рука, —
Мастерства мнѣ не нужны другія! —
Эта ткань образцово тонка,
И цѣна вещества высока.

Становище лучамъ, свѣтославью,
Чрезъ вѣка, что мелькали гурьбой, —
Сновидѣнья мѣняются явью, —
Смерть проходить тяжелой стопой,
Жизнь проводить узоръ голубой.

Вы присядьте въ волнѣ аромата,
Подъ чинарой, съ златистой листвой, —
Живизна голубого наката!, —
Подъ березой, вотъ здѣсь, подъ сосной,
Тамъ, гдѣ бора шатерь вырѣзной.

Онъ ихъ выходить — вамъ для убора,
Встрѣча, будь расцвѣчено ясна. —
Слѣпota призамгленного взора!, —
Если вамъ та краса не нужна,
Не Его будеть въ этомъ вина.

Есть и хоръ здѣсь, волшебныя гусли, —
Что всѣ гусли предъ музыкой той!, —
Изъяснить эти звуки возмусь - ли? —
Пѣснь бываетъ безбожно - святой,
Въ этихъ звукахъ есть ангельскій строй.

Здѣсь жужжанье, и щебеть тутъ вольный
Всѣ деревья, хвала бытю, —
О, душа, ты бываешь довольно? , —
Можешь виѣть, какъ я въ чару виою,
И недолю, и долю мою.

Пейте досыта этотъ напитокъ,
Здѣсь не нужно иного вина, —
О, загадокъ въ провалахъ избытокъ! —
Краснорѣчья душа въ васъ полна?
Для него вся безкрайность дана

И распѣвшись, въ огняхъ разожжены,
Вы войдете цвѣтами въ цвѣты,
Тайны міра порой обнаженны, —
Человѣкъ, схватишь въ бѣгѣ мечты
И десницу Господнюю ты!

По землѣ проходя повседневно,
Все же свой вы означите слѣдъ. —
Часть до часа взываетъ напѣвно. —

Слѣдъ, какъ смерть, и значительный нѣтъ,
Слѣдъ, какъ жизнь, нескончаемый свѣтъ,
И какъ зерна звенять многосѣвно,
Звонъ проходитъ живой по струнѣ: —
Приходите же въ гости ко мнѣ!

6

О, старовѣрные звуки!
Къ Богу моленья органа!
Слышу васть иныче, какъ въ давность,
Нѣжнаго полонъ тумана.

Лиственница черны стропила,
Древній костель здѣсь пребудеть,
Голосъ, отъ вѣка звучацій,
Исповѣдь въ слышащемъ будить.

Къ липѣ прильнулъ я стольтней,
Запахомъ ошеломленный,
Чарою схваченъ святою,
Съ пѣсней органной — созвонной.

Въ этомъ порывѣ, сдается,
Громъ отзыается снова —
Часа, когда Міроиздатель
Молвилъ родящее Слово.

Въ этихъ притихшихъ аккордахъ —
Весь я въ огнѣ ожиданья! —
Къ Богу взываютъ сердечно,
Кличутъ любовно созданья.

Чую, затопленъ въ предвѣчномъ,
Какъ вся душа въ измѣнены,
Какъ ее жажда схватила,
Какъ ее взносить паренье.

Глина миѣ брошена въ руки,
Создаль бы я изваянье,
Сердце въ немъ было бъ органнымъ.
Въ Немъ бы его зачинанье.

Съ правдою Перваго Духа,
Знаю, оно не сравнится,
Но отражать ее будетъ,
Въ озеро небо глядится.

Такъ бы хотѣль я, чтобы ласка
Рдѣла въ душѣ той творящей,
Слухомъ и окомъ открытымъ
Миръ бы струился глядящій.

Знаю: Оно не сравнится
Съ лаской его всеобъемной,
Но къ первозданной криницѣ
Свѣтъ донесетъ свой заемный.

Такъ, если въ сельскомъ костелѣ
Голосъ вспѣваетъ органный,
Въ сторону Бога иду я,
Жаждой моей обуянный.

Къ липѣ прильнувшіи столѣтий,
Въ лугъ я сиѣшу на потоки,
Въ полѣ Его собираю
Миги, чтобы выполнить сроки.

Все венчество здѣсь для дѣла,
Колосъ порой остановить,
Влага плеснеть, — и сознанье
Воспоминаніе ловить.

Гордость во мнѣ возникаетъ, —
Помыслъ идущій отъ Бога! . —
Такъ я люблю, что для чувства
Кругъ всей земли есть дорога.

О, старовѣрныя иѣсни!
Къ Богу моленья органа!
Слышу въ сънъ, какъ въ давность,
Нѣжнаго полный тумана.

Скажи, о, скажи мнъ,
 Откуда пришла ты пъвучестью въ гимнъ,
 Въ мой міръ, отдаленный какою тропой?
 Какія же рѣки, какія же горы
 Хотѣли, чтобъ здѣсь ты зажгла свои взоры,
 Свѣтила — собой?

Какія реченья
 Правдиво тебѣ возвѣстили виущенье,

Что прелестью будешь ты здѣсь дорога,
Что въ тихомъ моемъ успокоенномъ домѣ
Твоя отдохнеть путевая, въ истомѣ,
Душа и нога?

Развѣй же потемки,
Сбрось съ плечъ тяжесть дорожной котомки,
Пей новую силу изъ чары любви,
Для лучшей изъ гостей, для самой желаний,
Одной ужъ на свѣтѣ — тотъ пиръ богоданный,
Себя имть живи.

А если на днѣ тамъ
Хоть капля окажется горечи въ этомъ,
Уста, что обманутся, ты не криви: —
Тебя не пошель полонить я обманомъ,
Предательскимъ взять не искалъ я изъяномъ.
Усладу любви.

Бываетъ такое,
Что вихрь необычный закрутится въ зноѣ,
И глубь, гдѣ лазури, отрадно уснуть,
Гдѣ отблески неба, все темью склубится,
И тиной, и сорной травой затемнится,
И выбросить муть.

Но что намъ обѣ этомъ?
Спасибо, спасибо, что ты златоцвѣтомъ
Меня забросала, являя свой кладъ,
На цѣлую жизнь обдарила дарами,

И нѣть договора такого межъ нами,
Что шелъ бы назадъ.

Ты пламенемъ взгляда
Не шепчешь, но мыслишь, что сердцемъ ты рада
Богато украсить смиренный мой домъ.
Свершивъ поворотъ и вседневной дороги,
Ты встала такъ властно на этомъ порогѣ,
Въ огнѣ золотомъ.

Ты образъ разсвѣта,
Когда ты мнѣ шепчешь, что видишь ты гдѣ - то,
Тамъ, въ даляхъ, за крайней чертою смертей,
Какъ тѣмъ — мы сверкаемъ свѣченемъ
[взаимнымъ, —
Что дня не заспали въ мельканиіи дымномъ
И дней, и ночей.

О, нѣть, не богато
Отплату даю я за мигъ аромата,
За лѣто и ласку въ цвѣтущемъ краю: —
Иду за тобою твою тропою,
И солнца хотѣль бы бросать предъ тобою,
Лиши пѣсни пою.

Твой голось вѣщаетъ,
Что каждый предъ пѣснями кладъ угасаетъ,
Что, если пришла ты, была въ этомъ цѣль,
Что, если пришла ты, пройдя по пустынямъ,
Такъ это, чтобы день мой расцвѣтомъ былъ синимъ,
Чтобъ я былъ — свирѣль.

Скажи, о, скажи мнъ,
Откуда пришла ты пъвучестью въ гимнъ.
Въ мой міръ, отдаленный какою тропой?
Какія же рѣки, какія же горы
Хотѣли, чтобы здѣсь ты зажгла свои взоры,
Свѣтила — собой?

8

Свободна душа моя въ мірѣ, —
 Кто могъ бы вкрѣпить ее въ путы! , --
 Такъ любить она свои крылья,
 Чело благочестной минуты.

Вверху ея взлеты, внизу - ли,
 Къ земному - ли, къ небу - ли ближе,
 Но нѣть ей такого указа,
 Чтобъ гнуться и сдѣлаться ниже.

Туть вечеръ у нея или утро,
Никто для нея не учитель,
Сама для себя самодержецъ,
Сама и священнослужитель.

Свой собственный храмъ у нея здѣсь.
Въ сознаны законнаго права
Приходъ у нея богатѣйшій,
И подданныхъ сколько угодно.

Державу свою она видить,
Порой еще какъ загордится,
Въ сознаны законнаго права
Никто ужъ надъ ней — ей не снится.

А, впрочемъ, бываютъ минуты, —
О, силь сокровенныхъ союзы! —
Вдругъ что-то закинеть арканъ свой,
Поймаеть, береть ее въ узы.

Наастурціи въ садикѣ нашемъ
Пустили ростки, возрастаютъ,
Рабой мою сдѣлали душу
И жалости вовсе не знаютъ.

Цвѣтокъ златоцвѣта, — какъ разъ онъ
Сегодня зацвѣлъ безъ усилия, —
Велѣлъ онъ душѣ потихоньку:
Гляди и сложи свои крылья.

Тамъ кротъ подъ кореньями маковъ
Копается, — все, дескать, смѣю, —
Душа моя, словно рабыня,
Должна пригибать свою шею.

Ворона, что хлѣбъ воронятамъ
У насъ со стола утащила,
Въ душѣ шевельнула сознанье,
Что въ рабствѣ есть счастье и сила.

И въ очень большомъ послушаньи
Не помнить душа о державѣ,
А крылья свои подвязавши,
Стонть въ сновидѣнья — и въ яви.

Свободна душа моя въ мірѣ,
Никто не вкустѣ ее въ путы,
А все жь и склоняться умѣтъ,
Покорства бываютъ минуты.

Иду - ли, — затѣмъ, я не знаю, —
 Подъ зноемъ юньскаго леба,
 Сдается, бываетъ со мною,
 Что въ отдыkhъ сильно потреба.

Хотѣть бы присѣсть у криницы,
 И черпалъ бы воду руками,
 Виски освѣжилъ бы, горючий,
 Крутыми замученъ путями.

Горѣніе я утушиль бы,
Что въ горлѣ — какъ въ печкѣ тутъ тѣсной,
И кости свои человѣчны
Въ тѣни протянуль бы древесной.

Боюсь, чтобы сонъ въ мигъ тотъ праздныї
Меня не окуталъ, какъ груда,
И мнѣ не отрѣзаль бы свѣта
Онь тьмою, плывущей оттуда.

Хочу съ той горы увидать я
Кровавыя рдѣнья заката,
Какъ юный на рдяность восхода
Смотрѣлъ съ высоты я когда - то.

Хочу посмотретьъ я, какъ долго
Пребудетъ тотъ образъ горѣнья,
Ликъ жизни на взмахахъ скалистыхъ,
Безмѣрнаго золота рдѣнье.

Хочу посмотретьъ, какъ рѣшится
Та битва съ низинною мглою,
А также изъ твердой - ли глыбы
Душа моя здѣсь надъ землю.

Хочу, — и ужъ знаю, зачѣмъ я
Иду по юньскому энью: —
Съ людскою помѣряться долей,
Пусть бьется, равняясь со мною.

До этого часа изъ пущи
Я вынудилъ слово науки,
Что нужно бываетъ въ дорогѣ,
Сжавъ зубы, скрѣпить свои руки.

Я знаю, что чудо увижу,
Что чудомъ ужъ будетъ терпѣнье,
Что я не возкажду крѣницы,
Что къ тѣни не будетъ стремленья.

Затѣмъ, что ужъ часть мой короткій.
И скоро зайдетъ золотое
Округлое солнце, покуда
Иду я безъ отдыха въ зноѣ.

Иду я съ тѣмъ болѣней охотой,
Что въ этомъ пути все чудеснѣй. —
О чемъ и не снится вамъ, люди, —
Мнѣ камни поютъ свои пѣсни.

То витязи славятъ боренье,
Былина тутъ кличетъ къ былинѣ,
И пусть я стою на ущербѣ,
Но я въ этомъ говорѣ нынѣ.

Ужъ знаю, зачѣмъ поспѣшилъ я
Къ предѣльнымъ горѣніямъ въ гости
Не думая жажду умѣрить,
Смирить истомленныя кости.

10

О, великие, сытые люди,
Что въ земной нась связуютъ дорогъ,
Хотя спать не ложусь я голоднымъ,
И въ постели мой сонъ, не въ берлогъ?

Хотя въ бѣлой хожу я рубашкѣ,
И полотно намъ одно послужило,
И сукномъ тѣмъ же самымъ покрыты
Наши плечи, тѣлесная сила?

Хоть за общимъ столомъ не однажды
И, склоняясь надъ скатертью чистой,
И склоняясь надъ скатертью чистой
Совершенно подобно сидимъ мы?

Хоть бокалы равно златокрайны,
Одного хрустала вырѣзного,
И вину одному и тому же
Говоримъ мы похвальное слово?

Что могло бы сковать меня съ вами,
Между нами какія есть звенья,
Хоть грѣхи одинаковы наши,
И въ одномъ — если есть — намъ хваленье?

Хоть сегодня, ярмо свое сбросивъ,
Съ уходящими лѣтними днями,
Я безъ дѣла влачусь по дорогамъ,
Какъ умѣете это вы сами?

Хоть бы могъ не съ однимъ я изъ вашихъ
Слушать шопотъ, что глупше и глупше
Въ этой чащѣ, — бываютъ вѣдь также
И у гаѣй очень чуткія уши?

Вѣдь мыслители есть и межъ вами
Видять міръ въ его правдѣ и силѣ,
И, въ колодецъ взглянувшіи глубоко,
Безъ ошибки тамъ лоть опустили?

Но какія жъ межъ мною и вами
Могъ бы узы увидѣть и крѣпь я,
Хоть одно изъ лазури къ намъ солнце
Устремило свое благолѣнье?

Хоть убийственнымъ грянувшіи гуломъ,
Этотъ громъ, что одѣлся пожаромъ,
Могъ бы вѣсъ и меня съ вами разомъ
Повалить тѣмъ же самымъ ударомъ?

Хоть моя, какъ и ваша, кончина
Можетъ и низко быть и лукавой —
Отъ ошибки, уведшей съ дороги,
Хоть дорога стремилась за славой?

Вотъ вопросы, что самъ себѣ ставлю,
Одиночное тѣша хожденье,
Возгоралась такою любовью,
Что желаетъ ко всѣмъ наклоненъя.

Все жъ я чую, хоть всѣмъ оговоркамъ
Не даю ни пути, ни дороги,
Что для сердца мнѣ мили и близки
Ты, что малы, и ты, что убоги, —

И что все, что изъ пряжки тончайшей
По душѣ разстилается тканью,
Все людской я нуждѣ посвящаю,
Отдаю и людскому страданью.

Пересталъ препираться я съ Богомъ,
 Сердечныя были то скоры: —
 Родила ихъ людская недоля,
 И какіе ужъ тутъ разговоры.

Головни въ моемъ сердцѣ дымились,
 Тлѣли искры, запасъ столь богатый,
 Что въ такое лишь дунь пепелище.
 Миръ предстанетъ — пыланьемъ объятый.

Было вѣдомо это — тѣмъ силамъ,
Что по иорамъ юятся тамъ гдѣ - то,
Или съ явностью наглою мглится,
Заслоняя всю землю отъ свѣта.

Было вѣдомо это — той монци,
Что колдуется злословістю смѣло,
Чтобъ нужда — тамъ росла, обостряясь,
Гдѣ нужда — ужъ достигла предѣла.

Было вѣдомо это — тѣмъ сонмамъ,
Что слѣдятъ за угломъ, какъ видѣнья,
Или смотрять съ насмѣшкою въ окна,
Не готово - ли злое совершење?

Было вѣдомо имъ, — лишь приблизясь
Къ этой кузницѣ, къ пепламъ тѣмъ старымъ,
Сердце тотчасъ же выбросить пламя,
Богохульствуя, вспыхнетъ пожаромъ.

Возвѣстить той кощунственной клятвой,
Что взнесеть и для дѣйствія знамя,
И что, жаждой горя перемѣны,
Выший скіпетръ сожжетъ мое пламя.

Я о томъ не жалѣю сегодня,
Ни малѣйшаго въ томъ покаянья,
Я не рабъ, — если сердце мнѣ кличеть,
Я не глухъ, весь я полонъ вниманья.

Ибо въ спорѣ о счастії міра
Я душой бытъ далекъ своеволья,
Право битвы, — того, кто воюетъ, —
Только въ этомъ я черпалъ раздолье.

Но теперь обостренное зрѣнье
Мнѣ даетъ увидать въ мигъ зарницы
То, чего въ завлеченности боя
Доглядѣть не умѣли зѣницы.

Не бросался къ тебѣ Онъ, напротивъ,
Весь, въ бронѣ, уготованный къ бою,
А сидѣлъ на Своемъ Онъ престолѣ,
И съ улыбкой смотрѣлъ Онъ благою.

А теперь я и самъ улыбаюсь,
Кличъ услыша: «Окуйся въ доспѣхи!»
Раныше — бьющимся мечъ приносилъ я,
Нынѣ — мира несу имъ утѣхи.

Но уставъ уже ссориться съ Богомъ,
Я надеждой плѣненъ сокровеній,
Что на днѣ моего примиренія
Тлѣть пламя войны той священной.

Умилъность моя ты родная,
Очертанья почти что ребенка,
На четьи ни одной еще складки.
Руки бѣлья тянутся тонко.

Люблю, какъ стоянъ ты за мною.
На моесть деревенскому балкону,
Отъ дождей почернѣвшемъ и ветхомъ,
Но сейчасъ — какъ въ лучистомъ затону.

Люблю я, когда изъ кувшина
Поливаешь цветы на грядѣ ты,
Мечтая и думая громко,
Что за роскошь въ нихъ будеть и свѣты.

Люблю я, когда за столомъ ты
Хлѣбъ берешъ и, ломоть преломляя,
Миѣ даешь молчаливо кусочекъ, —
Миѣ онъ нуженъ - ли, даже не зная.

Люблю, если, въ далыхъ теряясь,
Тамъ, гдѣ Верхъ распростерся Ледовый,
Нѣжнымъ лбомъ, затуманиеннымъ думой,
Къ головѣ моей лнешь ты суровой.

Но люблю я всего наибольшее
Любопытство желаннаго взора,
Въ чась, какъ я возвращаюсь изъ лѣса,
Отъ полей, отъ рѣчного простора.

Въ чась, когда съ ежедневной дороги
Возвращаюсь я, воспламененный,
Ты, пылая, меня спрашиваешь,
Не съ добычей - ли я легкозвонной?

Не открылъ - ли я въ шумѣ деревьевъ
Въ водномъ ропотѣ свѣжіе звоны,
Не узналъ - ли я, что тамъ за гранью,
Тамъ какіе для жизни законы?

Не разъялась - ли мгла, — я внималь - ли,
Какъ жаворонокъ трелилъ сегодня,
И, когда свою пѣсню закончу,
Въ ней засвѣтить - ли радость Господня?

Я испить - ли оть свѣтлой минуты,
Уронилъ - ли до глуби я взгляды,
Убѣдился - ли я, что на завтра
Громоздятся еще миѣ тамъ клады?

И въ душѣ неисчерпаний, жадной, —
Эта правда — да будетъ правдива!, —
На псаломъ, что загаснетъ лишь съ жизнью,
Намъ навѣрно - ли хватить огнива?

Такъ люблю я, такъ страшно люблю я,
Во взаимную глянувши долю,
Что въ такія мгновенія мы вмѣстѣ,
Что одну воплощаемъ мы волю.

Умильность моя ты родная,
Очертанья почти что ребенка,
На челѣ ни одной еще складки,
Руки бѣлые тянутся тонко.

Лицемъ сегодня жестокій,
Вырвалась полночь изъ плѣна,
Но въ сроможденьяхъ тумана
Утро есть утру измѣна.

Воды рѣчныя, нахохлясь,
Гнѣвъ разметали, — и шумный,
Вздыбивши первья, грохочеть
Страхъ въ нихъ — себя же, безумный.

Желтый потокъ словно молвить:
Злости изжитъ — никогда мнѣ.
Вырвавъ изъ вѣчнаго лона,
Точить тяжелые камни.

Рыкъ его слышень на милю, —
Дня заглушасть онъ дѣло,
Хоть бы совсѣмъ въ немъ увязло
Вмѣстъ съ душою и тѣло.

Хоть бы совсѣмъ ты забылся,
Хоть ухватись ты за жерновъ,
Память земли онъ загасить,
Вмигъ отъ земного отдернуть.

Хоть бы въ ярмѣ повседневномъ
Весь возлюбилъ ты неволю,
Сгорбись, — онъ выпрямить сразу,
Онъ распряжетъ твою долю.

Вмигъ ты пойдешь въ ту минуту,
Въ дивѣ, какъ я, безъ уклона,
Глянуть на токъ междустѣнний, —
Теть онъ гранитное лono.

Такъ же какъ я, въ этотъ мглистый
Часъ, ты отбросишь вериги,
Схваченный каждой читанья
Той преогромнѣйшей книги.

Но, хоть и видны всъ знаки, —
Всъ, что ни есть васть, глядите!, —
Не разберешься въ безмѣрномъ,
Въ сказочномъ томъ алфавитѣ.

Весь возгоришася ты жаждой
Вникнуть въ вѣрнѣйшія вѣсти,
Правда же ясная въ духѣ
Будеть въ твоемъ не на мѣстѣ.

Страхъ и помыслить, что люди, —
Все въ повторительной долѣ, —
Въ зрѣлище это вникаютъ
Лѣть ужъ сто тысячъ и болѣ.

По правдѣ скажу, не пылаю
 Совѣтъ я желаніемъ смерти,
 Придетъ и сама той дорогой
 Иль узкой тропинкой, повѣрьте.

Вполнѣ и людей понимаю,
 Кричащихъ, что все имъ едино,
 Какой законаетъ ихъ заступъ,
 Какая тамъ будеть долина.

Но разъ умереть неизбѣжно,
А грезить вѣдь каждому можно,
Имѣю я просьбу на случай
Того, что придется непреложно.

Ближайшіе, къ вамъ обращаюсь,
И къ вамъ, благочестные други,
Съ останками тѣми смѣшными,
Прощу вѣсть, не тратьте досуги.

На скромной крестьянской телѣгѣ,
Чѣтыре доски — и не тѣсно.
Въ тріумфѣ такомъ да отбудетъ
Нометь этотъ хоти небесной.

Изжившій въ тяжелые годы
Свою и чужую недолю,
Въ такомъ пусть оғь пышиномъ избыткѣ
Къ тому приближается полю.

На пустоши этой, гдѣ къ миру
Съ зарей приникалъ я, какъ къ храму,
Гдѣ ранью бродилъ я росистой,
Глубокую выройте яму.

А ежели будетъ ужъ ласка,
Вотъ тутъ, въ побережномъ гравитѣ,
Надъ вѣчно шумящей рѣкою
Вы пристань мою изберите.

Видалъ я тамъ въ солнечный полдень,
Съ излома скалы озаренной,
Какъ воды рѣчныя кипѣли
И рвались въ просторъ отдаленный.

Иль тутъ, — о, чрезмѣрность желанья, —
Близъ этой пробитой дороги.
Гдѣ звѣзды ловилъ я, бывало,
Ночами на черномъ порогѣ.

А если еще ужъ быть нуднымъ, —
И стыдно на самомъ мнѣ дѣлѣ, —
Надъ гробомъ моимъ посадите
Два ясения либо двѣ ели.

Въ таинственность звуковъ вникая,
Въ веселый - ли гуль иль угрюмый,
Превыше всего полюбиль и
Ихъ говоры, шорохи, шумы.

Богъ презирь негодное тѣло,
Крупнить его въ прахъ первозданный,
Но душу, я знаю, онъ любить,
Она ему будетъ желанной.

И мыслю, что онъ ей позволить
Ходить здѣсь, бродить здѣсь часами,
На пустоши, въ полѣ, надъ рѣчкой,
Дорогой, по лѣсу, горами.

Что Онъ ей позволить присѣсть здѣсь,
На дергѣ зеленой могилы,
И слушать, какъ ясени, ели
Изъ праховъ берутъ свои силы.

Еще я не мыслю о смерти,
Но, разъ умереть намъ потреба,
Прощу вѣсть объ этой послѣдней,
О коркѣ той чернаго хлѣба.

О, Верхъ, ты, о, Верхъ ты Ледовый!
 И снова къ тебѣ я съ возвратомъ,
 Огромный, насыщенъ лазурью,
 На небѣ, лазурью объятыомъ.

Стоинъ ты какъ разъ противъ оконъ,
 Вседневность мою не нарушу,
 Взгляну на тебя, — самъ ты смотриши
 Изъ дали — и въ избу, и въ душу.

Миѣ чудится, ты вопрошаешь,
Въ полдневные блески окутанъ,
Что есть - ли внутри меня что - то,
Чѣмъ путь мой до солица запутанъ.

А все жъ, признаюсь, еще мраки
На днѣ тамъ скрываются гдѣ - то,
Съ собой меня рвутъ въ свою пропасть,
Крадутъ обаяніе свѣта.

Могу я, о, Верхъ лучезарный,
И нынче быть замкнутъ отрадамъ,
Вѣдь гдѣ - то сломилась тамъ верба,
И пива погибла подъ градомъ.

Тамъ кто - то есть грустный и блѣдный,
Нужда его, горе увѣчить,
Тамъ хворь есть еще и сегодня,
Ничто тотъ недугъ не излѣчить.

Обычныя это несчастья,
И кто избѣжать ихъ научить?
Аузель причинъ ихъ и слѣдствій
Меня до отчаянья мучитъ.

Но вдругъ отъ меня отбѣгаютъ
Гонцы - вѣстуны заблужденій,
Лишь солнце сегодня миѣ правда,
Лишь зелень и запахъ цвѣтеній.

Всевластиа та свѣжестъ и блески,
О, Верхъ, преисполненный силы,
Ты, кованный въ мощномъ гранитѣ,
Кровь свѣжую брызгнешь мнѣ въ жилы.

Я чую, я снова ребенокъ,
Вотъ молодость первая снова,
Мнѣ солнечный день тотъ веселье,
Стихійная рдѣть основа.

Есть крылья, о, нынче есть крылья,
Мой нынѣшній день не вчерашній,
Отважиться можно сегодня
Взлетѣть на поднебныя башни.

Ты, Верхъ, вопрошаешь, пылая,
И внутрь меня глянувъ побѣдно,
Я знаю - ль, что солнце — всемирность
Что власть эта вѣкъ заповѣдна?

Я знаю, и грянетъ - ли эхо
По синимъ озерамъ и рѣкамъ,
Иначе - ли быть человѣку
Какъ только здѣсь быть человѣкомъ?

О, Верхъ, ты, о, Верхъ ты Ледовый,
И снова къ тебѣ я съ возвратомъ, —
Гигантъ, опоясанъ лазурью,
На небѣ, лазурью объятомъ.

16

Приношу тебѣ иѣсколько пѣсень,
Съ напѣвомъ совсѣмъ немудренымъ,
Въ горахъ я нашихъ собралъ ихъ,
У прудовъ, подъ скалистымъ наклономъ.

У прудовъ, подъ скалистымъ наклономъ,
На томъ перехватѣ скалистомъ,
Гдѣ сиѣгъ въ эту пору на небо
Глядѣть еще сномъ серебристымъ.

Глядить еще сномъ серебристымъ
До солнца сребристая глыба,
А солнце ей сердце съѣдаетъ,
Мѣняетъ узоры изгиба.

Мѣняетъ узоры изгиба,
А послѣ, довольно собою,
Стремится въ дворецъ свой закатный
Короной сверкнуть золотою.

Короной сверкнетъ золотою,
А глыба сребристая сиѣга
Довольна, одна, что не таетъ,
Что жизни въ ней есть еще пыга.

Живая въ ней есть еще пыга,
И рада она, сиѣговая,
Что солнечный обручъ вернется,
Ее до конца поглощая.

Ее до конца поглощая,
Свершить онъ ея назначенье,
Она, истомившись любовью,
Растаетъ, исполнена млѣнья.

Растаетъ, исполнена млѣнья,
А послѣ, какъ будетъ испита,
То мѣсто означено будетъ
Лишь вѣчной игрою гранита.

Лишь вѣчной игрою гранита
Лоснятся здѣсь черныя скалы,
Что любятся въ солнечномъ жарѣ,
До вечера, въ часъ запоздалый.

Приношу тебъ пѣсколько пѣсень,
Умильность моя ты родиаля, —
Я въ горы пошелъ, чтобъ найти ихъ,
Гдѣ токи журчать, протекая.

Гдѣ токи журчать, протекая,
Гдѣ капля въ ручьѣ — хрусталинка,
Гдѣ въ, мглистые жолобы, въ пронасть,
Невѣрная вьется тропинка.

Невѣрная вѣтка тропинка,
Скользить помрачнѣе взгляда,
На ней сгромождаются страхи
И смерть покачаться тамъ рада.

И смерть покачаться тамъ рада, —
Но смерти - ли вѣрю я мысли?
Надъ этимъ опаснымъ ущельемъ
Предѣльности жизни повисли.

Предѣльности жизни повисли,
Но здѣсь, на изломахъ обрыва,
Ууть отъ опасности вижу,
И въ немъ искупленіе живо.

О, въ немъ искупленіе живо,
И близко, достану устами,
Твой образъ блеснуль предо мною,
Твой ликъ, нарисованный днями.

Твой ликъ, нарисованный днями,
Такой, какъ онъ виденъ мнѣ дома,
Возрадовалъ сердце мнѣ нѣжно
У срыва того, у излома.

У срыва того, у излома,
У скалъ, что разбиты громами,
Гдѣ вѣтры взлетаютъ на вѣтры,
Душа заиграла струнами.

Душа заиграла струнами,
Поеть, не напрасно боролась,
И ей, надъ водой, надъ камнями,
Предвѣчный откликнулся голосъ.

Откликнулся вѣчности голосъ,
Стозвучное пѣніе хора,
Съ удвоиной силою льется
По видному кругу простора.

По видному кругу простора
Блескъ солнца взгремѣлъ искроокій,
И звукомъ, и отзвукомъ, эхомъ,
Гремя, отвѣчаютъ потоки.

Гремя, отвѣчаютъ потоки,
Потоковъ сдвоенное пѣніе,
На пѣсню души отвѣчали,
И въ сердцѣ росло утѣшенье.

И въ сердцѣ росло утѣшенье,
И вторила пѣснѣ тропинка,
Гдѣ смерть покачаться такъ рада,
Гдѣ въ страхѣ трепещетъ былинка.

18

Приношу тебъ иѣсколько пѣсень,
И слагаю ихъ съ тихимъ поклономъ,
Пѣсни просты и сѣры, какъ камни,
Въ горы шель къ пимъ путемъ я зеленымъ.

Шель за ними путемъ я зеленымъ,
Тамъ, гдѣ выси теряются въ небѣ,
Словно сердце, что таетъ въ полетѣ,
Ощущивши въ тебѣ лишь — свой жребій.

Ощущивши въ тебѣ лишь — свой жребій,
Облекаетъ его и колышетъ,
Онъ же, весь заглядѣвшись въ грядущемъ,
Голоса потаемные слышитъ.

Голоса потаемные слышитъ,
Въ томъ великомъ упорномъ служены,
Что, быть можетъ, другимъ непонятно,
Между тѣмъ какъ въ немъ — чуда рожденье.

Въ немъ завѣтнаго чуда рожденье,
Непонятнаго, ибо не каждый
Сознаетъ свое личное счастье,
Не проникнуть судьбиною жаждой.

Не охваченъ судьбиною жаждой,
Что сліянина съ предвѣчнымъ закономъ,
Какъ лазурный тотъ куполь надъ высью,
Что земное сліяль съ небосклономъ.

Эти высги сліяль съ небосклономъ,
Въ свѣтлый дымъ облекаетъ вершины,
И они ужъ не груды гранита,
А видѣнья они исполнены.

Такъ, видѣнья они исполнены,
Глубина въ острозоркихъ ихъ взорахъ,
Что они, полны внутренней жизни,
Потопляютъ въ прозрачныхъ озерахъ.

Потопляютъ въ прозрачныхъ озерахъ,
Въ водоемахъ, гдѣ радуги мгнютъ,
А они за скалистыя руки
Взявъ другъ дружку, глядятъ и нѣмнютъ.

Взявъ другъ дружку, глядятъ и нѣмнютъ,
И гранитная грезить громада,
Что и людямъ, удѣль свой постигнинъ,
Принимать какъ судьбу его надо.

Принимать какъ судьбу его надо,
И не гнуться, хоть тяги велики,
Въ глубь имѣть обращенные очи,
Въ даль имѣть отвращенные лики.

Въ даль имѣть отвращенные лики,
На земномъ не сковать себя кругѣ,
Въ даль, гдѣ духи, какъ горы - гиганты,
Надѣваютъ изъ стали кольчуги.

Приношу тебѣ нѣсколько пѣсень,
 Съ нашихъ горъ ихъ тебѣ приношу я,
 Гдѣ скиталецъ, желающій счастья,
 Мигъ счастливый находитъ, ликуя.

Мигъ счастливый находитъ, ликуя,
 Ранымъ рано съ восторгомъ взирая,
 Какъ зеркальная блещетъ тихонько
 Недвижимая гладь озерная.

Недвижимая гладь озерная,
Изумрудами свѣтить картина,
Вся въ вѣнцѣ безглагольныхъ гранитовъ,
Вся въ кругу многоцвѣтномъ павлина.

Вся въ кругу многоцвѣтномъ павлина,
Не мѣняется красочность эта,
Можно видѣть — проснуться не想要
Это таинство ранняго свѣта.

Дремлетъ таинство ранняго свѣта,
Чудо смотрѣть надъ нимъ изъ тумана,
Великанъ неприступнѣйшей башни
На другого глядѣть великана.

Великанъ увидалъ великана,
Здѣсь возникли они предъ вѣками,
И не могутъ насытиться дивомъ,
Изумрудно - лазурными снами.

Изумрудно - лазурными снами
Я пьянюсь, не дошу упоеня,
Въ типинѣ я стою и любуюсь,
Путь прервавши свой — предназначенья.

Путь прервалъ я свой — предназначенья. —
Кто прервалъ бы его ворожбою? —
Ужъ сегодня алкалъ бы не знать я
Достиженій подъ бурей и съ бою.

Достиженъя подъ бурей и съ бою —
Расточеніе силъ, растерзанье,
Я хотѣлъ бы покоя, какъ этотъ,
Что изъ глуби взростаетъ, какъ зданье.

Онъ изъ глуби взростаетъ, какъ зданье,
У него изъ гранита основа,
Не колючія, сорныя травы,
А небесное Божіе слово.

Лучезарное Божіе слово
И снѣгами покрытыя горы,
Этотъ свѣтъ, эти лики глядятся
Въ зеркала, наряжаясь въ уборы.

Въ зеркалахъ отразивши уборы,
Стали юными горы, что стары
Исходя изъ кунели покоя,
Богатѣютъ лучистыя чары.

Богатѣютъ лучистыя чары.
Все полнѣ! лучистѣ вдвое!
Узнаешь здѣсь душой достовѣрность,
Что вмѣстилась въ лазурномъ покоѣ.

Въ голубомъ здѣсь вмѣстилось покоѣ
Лицезрѣніе илѣнительной дали,
Гдѣ мечты, за которыми путь мой,
Въ озареніяхъ безсмертныхъ всыпали.

Искрометно, бессмертно вспылали
Выси, вставшия кликомъ къ побѣдамъ,
Къ пимъ сегодня иду я съ весельемъ,
Ты за мной устремляешься слѣдомъ.

Ты за мной устремляешься слѣдомъ,
А съ тобою покой тотъ глубокій.
Что очамъ моимъ ясность даруетъ,
Путь мой вѣренъ, хотя бы далекій.

Путь мой вѣренъ, хотя бы далекій.
О, душа, какъ затонь, ты зеркальна.
Ранымъ рано, какъ все — голубое.
Межъ гранитовъ была ты кристальна.

20

Приношу тебѣ нѣсколько пѣсентъ, —
Въ нихъ подарокъ, быть можетъ, и милый,
Колыбель ихъ — изъ дикаго камня,
Горы дали въ рождены имъ силы.

Горы дали въ рождены имъ силы,
Гдѣ двѣ пихты, познавшія грозы,
Другъ до дружки на срывѣ прикались,
И подъ стражей изломовъ ихъ грезы.

Подъ охраной изломовъ ихъ грезы,
На закраинѣ срывной ютятся,
А къ подножью ихъ воды потока
Съ выси, солнцемъ обласканной, мчатся.

Съ выси, солнцемъ обласканной, мчатся
Водометы и говоръ ихъ спора,
Жадно внемлють имъ горные стебли
И деревья старинаго бора.

И деревья старинаго бора
Отражаютъ, вишаютъ журчанье,
Лѣсь какъ будто — навѣки пѣмотный,
Поглотило его то вниманье.

Борь совсѣмъ онѣмѣль отъ вниманья,
Но стряхнетъ онъ дремотность тумана: —
Вотъ откуда - то вихри примчались,
Борь становится гудомъ органа.

Борь становится гудомъ органа,
Слышины громы хваленья живыя,
Разметалась гроза молнесвѣтно
И деревья крушить вѣковыя.

Раздроблять стволы вѣковые,
Содвигаетъ громады гранита,
Изъ русла выбиваетъ потоки,
Торжествуетъ, ликуетъ сердито.

Торжествует, ликует сердито,
И слабъет въ разгульномъ весельѣ,
Прижимается въ страхѣ къ утесамъ,
Пропадаеть въ глубокомъ ущельѣ.

Пропадаеть въ провальномъ ущельѣ,
И ужъ тиши пошла по долинѣ,
Вновь оплотъ вырастаетъ гранитный,
Онъ изъ мглы выдвигается синей.

Ужъ изъ мглы той, рѣдѣющѣй, синей,
Что послѣдними дышать клубами,
Означаются горныя цѣпи,
Предстаютъ исполинскими снами.

Предстаютъ исполинскими снами
Голубыя отъ вѣка хоромы,
Недвижимы, какъ прежде взнесены,
Хоть громили ихъ столькіе громы.

Столько разъ ужъ громили ихъ громы,
Но на срывѣ, вблизи отъ потока,
Обнялись подъ изломомъ двѣ пихты,
Лѣнуть другъ къ другу и грезять глубоко.

Лѣнуть другъ къ другу и грезять глубоко,
На закраинѣ срываю юятся,
И заслушались, волны рокочутъ,
Съ высі, солнцемъ обласканной, мчатся.

Съ выси, солнцемъ обласканной, мчатся,
Послѣ громовъ потока, хоралы,
И заслушались пихты, и грезятъ,
Охраняютъ ихъ вѣчныя скалы.

21

Говорите мнъ все, что хотите,
Но не встану предъ вами я босый,
Не закину на шею я петлю,
Не мечтаю пойти до Каноссы

Никогда въ добродѣтель не рвался,
И грѣховъ совершилъ безъ предѣла, —
Какъ тутъ быть? Вѣдь всего лишь изъ глины
Богъ намъ вылѣпилъ грѣшное тѣло.

Не однажды хотѣлъ опереться
На прадѣдовскій духъ, на стропило. —
Искушеніе было сильнѣе,
А стропило лишь хрупкостью было.

И со всѣхъ миѣ сторонъ угрожали: —
«Какою ты ходишь дорогой?
Морозъ на собаку приходитъ,
Придетъ и къ тебѣ онъ, и строгій.

«Надменность твоя не усмотритъ
Какъ вдругъ вечеркомъ или рано,
Съ косой и съ часами, — песочекъ! , —
Костякъ — тутъ какъ тутъ безъ обмана.

«Весь скорчишься, скрутишься сразу,
Предъ нами появишься босый,
И петлю закинешь на шею,
Охотно пойдешь до Каноссы.

«Да будетъ ужъ, братецъ мой, поздно.
Какъ поросль дурного посѣва,
Засохшую вѣткой падешь ты
Въ пыланье Господняго гнѣва».

О будущемъ я не забочусь,
Не каркайте миѣ такъ любезно,
Рѣшенье свое я ужъ принялъ,
Иное давать бесполезно.

Въ тотъ часъ, какъ дождусь я мороза, —
Въ немъ каждый замреть, леденѣя, —
Къ себѣ призову я съ деревни
Того, кто межъ всѣхъ побѣднѣе.

Я длань ему стисну и молвлю: —
Эхъ, убогая наша утроба!
Не скучись - ка со мною любовью,
Нагрѣшили съ тобою мы оба.

Потомъ предъ Хозяиномъ встану, —
Удѣль мой Судью - ли забудетъ?
Скажу: Прибываю съ надеждой,
И пусть ужъ что будетъ, то будетъ.

Пастухъ я твой, Боже, послѣдній,
Сумѣль - ли я выпасти стадо?
Быть можетъ, совсѣмъ не сумѣль я, —
Скажи, какъ со мною быть надо?

Покорства въ себѣ не имѣть я,
Совсѣмъ не хотѣть, чтобы босый,
Закинувши петлю на шею,
Туда я пошель до Каноссы.

Неважный я правозащитникъ,
А все же скажу хоть однажды,
Что лишь предъ Тобою, о, Боже,
Минутой приижень я каждой

Какъ быть, коль меня Твоя воля
Такою душой наградила,
Что бросить Тебя не принудить
Меня ни единая сила?

Одно еще только добавлю,
Коль легокъ мой вѣсь предъ Тобою: —
Любиль я малѣйшую травку
И тѣхъ, кто воюетъ съ судьбою.

Малѣйший на деревѣ листикъ
Я чтиль, говорилъ ему: Слава!
Малѣйшая капля росинки —
Твоя вѣковая держава.

Когда бъ я людей не стыдился,
Хоть слѣпы, какъ сумракъ могильный.
Я въ ноги бы паль всенародно
Пылинкѣ земли самой пыльной,

И въ этомъ моя - ли заслуга?
Такимъ меня создалъ Ты, Боже,
Такой я есть. — И однако
Миѣ криеду чинить бы за что же?

Меня отъ Себя не отринешь,
Хотя не хотѣль я тамъ босый,
На шею закинувши петлю,
Танциться съ мольбой до Каноссы.

22

Люди, вы, милые люди,
Смотри я, я смяль бы тревогу,
Я сняль бы съ души вашей цѣли,
На горную инуль бы дорогу.

Въ тотъ часъ не влеклись бы вы тщетно,
Какъ смутныхъ барановъ громада,
Которымъ никакъ не въ догадку,
Какое имъ пастбище надо.

На васъ каждодневно смотрю я,
Вся ваша видна мнъ педѣля: —
Нѣть гибкости въ васъ ни малѣйшей,
Изгибиѣ вѣточка хмеля.

Мѣшки вы, гдѣ плевеловъ куча,
Развяжетъ мальчишка ихъ ковы,
Толкнетъ, перегнеть, усмѣхнется
Разсыпать товаръ тотъ деневый.

Сдается мнъ, только увижу
Вашъ плясь и превратное знамя,
Что злые какія - то дива
Въ васъ выпили всякое пламя.

А жаль, что не жжеть васъ отвага,
Что немощны нынѣ, какъ прежде: —
Для глазъ, отъ низинъ отвращенныхъ,
Миръ въ новой сверкинулъ бы одеждѣ.

Вамъ зримыми были бы выси,
Что Божеской дланью подъяты,
И всѣмъ бы предстала тропинка
Что вѣтается, взбѣгая за скаты.

Шаги ваши были бѣ сначала
Невѣрными, — день въ нихъ вчерашній, —
Но міръ показалъ бы вамъ чудо,
Увидѣнъ съ высокой той башни.

Ряды этихъ родственныхъ высей —
Гранитомъ сліянныя звенья
Въ тотъ часъ, что прошелъ, передъ тѣмъ какъ
Здѣсь часъ угиѣздился въ сплетеня.

Тѣ воды, летящія въ пронасть,
И радуги съ этимъ полетомъ,
Пѣвучіе вѣчные шумы,
Поеть водометъ съ водометомъ.

Тѣ русла умершихъ потоковъ,
Долины и рвы здѣсь сочтите: —
Копаль ихъ копатель могучій,
Слѣды Его въ темномъ гранитѣ

Вездѣ безграничность просторовъ,
Съ полуденнымъ солнцемъ и мглами,
Лѣса и луга, — отливаетъ
Обильная жизнь островами.

Деревни, что знать вы не знали,
Станицы по горной пустынѣ
И куполь небесныхъ объемовъ,
Надъ всѣмъ вырастающей, синій

И таинство таинствъ за этимъ.
Горящее скрытою славой,
И Онъ, недостижный, надъ міромъ,
Держава надъ этой державой.

До этой пришедши^е грани,
До края верховной основы
Вы вольной бы жизнь ощутили,
И всю бы растаяли ковы.

Люди, вы, милые люди,
Смоги я, я смяль бы тревогу,
Я васъ оторвалъ бы отъ праховъ,
На горную пнуль бы дорогу.

23

Съ тѣхъ порь, какъ живу я на свѣтѣ,
Такого не вспомню заката: —
Пылали горящія волны,
Горѣніемъ туча разъята.

Окутано полымямъ небо,
Червонятся дымныя взгорья,
Какъ будто полна головнями
Земля до черты лукоморья.

Тревогой охвачены люди,
И жуткое въ нихъ вопрошанье: —
«Какою грозить ворожбою
Кровавое то предсказанье?

«Быть можетъ, влачится къ намъ голодъ,
Репейникъ грозить съ лебедою?
Но въ этомъ году урожай
Сбирали мы полной рукою.

«Быть можетъ, завистливый Дьяволъ
Затѣять осенняя чары
И риги съ зерномъ подожжетъ онъ,
И въ прахъ обратятся амбары?

«Быть можетъ, въ смертельной рубахѣ
Къ намъ язва идетъ моровая,
Повѣтряе жизни размечеть,
Какъ пыль по дорогѣ стирая?

«Быть можетъ, совсѣмъ не желая,
Чтобъ сонь постыдиль насть спокойный,
Богъ жаждетъ отмщенья и кары,
И лютыя мчатся къ намъ войны?

«За что - жь бы Онъ мстилъ и каралъ насть?
За то - ли, что, лихомъ влекомы,
Мы въ распѣ, слѣпому замѣтной,
Въ которой насть хлещутъ разгромы?

«За то - ли, что въ этихъ разгромахъ,
Гдѣ мы позабыли о свѣтѣ,
Мы только въ свѣченѣ надежды
Глядимъ, какъ покорныя дѣти?

«Гей, всемогущій Властитель,
Если Ты духъ опрокинулъ,
Сдѣлай, чтобъ съ этимъ закатомъ
Слухъ о Тебѣ не загинулъ!

«Сдѣлай, чтобъ въ горѣ всемірномъ,
Въ морѣ, хлестнувшемъ сегодня,
Имя Твое не сокрылось,
Чаянье Царства Господня!»

Одни такъ со страхомъ клонились,
Другіе грозились со страхомъ,
Въ тотъ часъ, какъ зловѣщее небо
Кровавымъ казалось размахомъ.

И какъ же пророческій пламень
Себя оправдалъ тѣмъ закатомъ: —
Злосчастья газыбились міромъ,
Свирипой войною объятомъ.

Убийственныхъ пуль въ ией посты, —
Всежрущіе рдѣютъ пожары,
И съ ией не ползетъ - ли, — кто знаетъ? —
Самъ голодъ, тотъ другъ ея старый.

Нейдетъ - ли за ней онъ подмогой
Того богообразнаго дѣла,
Хоть добрыми были посѣвы,
И пышная нива созрѣла?

За голодомъ случай, — кто знаетъ? —
Не все - ли на карту поставить
И страшнью гостью - заразу,
Родину свою жуткую явить?

Когда же такія къ намъ силы
Придуть и объявятъ мытарства,
Хотя бы одно сохранится - ль
Здѣсь сердце для Божьяго Царства?

Была коротка моя радость
 Рожденная радостью солнца,
 Бѣда по землѣ заходила,
 Для петли прядеть волоконце.

За нею и шагъ мой влечется,
 И взоръ мой невѣрный влачится,
 Хоть сердце людское иначе
 Здѣсь въ мірѣ могло бъ веселиться.

Ноля еще золота полны,
Зеленые тьин подъ древомъ,
Летить надъ овсомъ колосистымъ
Любимая птица съ напѣвомъ.

Еще ворожить мнѣ и небо,
Лазурью отраду пророчить.
Горячаго августа полдень,
Сверчокъ голосисто стрекочеть.

Какой же для траура поводъ?
Гдѣ знакъ для печали тревожный?
Цвѣтокъ ни одинъ не поблекъ здѣсь,
Нашъ садикъ горить придорожный.

Бодрящей пылаеть красою,
Нарядомъ цвѣтистаго пира,
На макахъ, насыщенныхъ солнцемъ,
Властителей рдѣть порфира.

И малы запѣли пѣсни цвѣта,
Красавицы бѣлаго строя,
Какъ панины, что послѣ сраженья
Глядять, славословятъ героя.

Настурціи нынѣшнимъ лѣтомъ
Весь дворъ нашъ подвергли осадѣ,
Еъ оконные рамы тѣснятся,
Играютъ огнями во взглядѣ.

Когда бы не эта минута,
Мы вправду здѣсь были бы иѣмы,
Дивясь, какъ у насъ георгины
Пушисты, — совсѣмъ хризантемы.

Цѣѣтуть братъ - съ - сестрою и астры,
И вонь ноготки тамъ дозоромъ,
Какъ будто бы свадебный поѣздъ,
Совсѣмъ завладѣли заборомъ.

И буйно горятъ златоцвѣты,
Громада подъ солнцемъ, побѣда,
Замедлилъ подсолнечникъ только,
Хоть онъ ужъ цѣѣтеть у сосѣда.

Какъ знать, почему запоздалъ онъ,
Быть можетъ, кольнулъ его холодъ?
Мельчаетъ, быть можетъ, кто знаетъ?
Быть можетъ, цвѣсти еще молодъ?

Быть можетъ, о предкѣ онъ слышалъ,
Который съ руки моей сгинулъ
И такъ, затаинъ свои клады,
Надежды мои опрокинулъ?

Боится, быть можетъ, что люди,
Какъ грозы собрались надъ нами,
Растопчути златую корону,
Подсолнечникъ вырвутъ съ корнями?

Боится, чтобъ не ослѣнили, —
Примѣръ человѣка не плохъ - ли?
Не видитъ кроваваго Завтра,
Всѣ люди ослѣнили, оглохли.

Была коротка моя радость,
Рожденная радостью солнца,
Бѣда по землѣ заходила,
Для петли прядеть волоконце.

25

Верба, ты, старая верба,
Зналъ тебя столько я лѣтъ!
Какъ дождалась ты ущерба?
Мѣсяцъ въ ущербѣ, — и верба,
Призракъ, что застить мнѣ свѣтъ.

Прошлый напій годъ недалеко, —
Какъ же ослабла вдругъ ты?
Было достаточно сока,
Въ вѣтрѣ до влаги потока
Лѣнули сѣдые листы.

Были старанья большія —
Туть помогаль человѣкъ.
Чары маниль онъ живыя,
Вѣтки обрѣзаль гнилые, —
Смерть посѣщаетъ калѣкъ.

Гдѣ же топоръ этотъ спорый?
Такъ твой удѣль будуть плесть!
Злыню здѣсь выметнуть иоры,
Всѣ здѣсь облунять уборы,
Плюнуть на давнюю честь.

Сосѣдки твои здѣсь счастливы,
Хоть стерты всѣ грани ствола,
Въ листвѣ у любой переливы,
И шелестъ у нихъ говорливый,
У каждой корона свѣтла.

Гдѣ шелесты вѣтокъ сквозистыхъ?
Гдѣ синѣй и гибкій твой станъ?
Гдѣ рой твой листовъ серебристыхъ?
Боюсь я вопросомъ тѣхъ мглистыхъ.
Игрѣ произвола я данъ.

О, верба, цѣѣла ты такъ мило.
Сосѣдка мечтательныхъ сногъ.
Всѣ сны поглощаетъ могила,
Не будетъ весною, что было.
Въ могилу ты падаешь, въ ровъ.

Позвать ли сюда дровосѣка?
Довольно толкнуть здѣсь ногой!
Гдѣ выбрызнетъ мракъ человѣка,
Тамъ гибнетъ, весь въ язвахъ, калѣка,
Онъ больше не будеть живой.

А жалко тебя, въ самомъ дѣлѣ, —
Здѣсь каждый бы грусть ощутилъ: —
Ты въ солнечной здѣсь колыбели
Вросла, — панихиду пропѣли,
И въ топкій ты падаешь иль.

26

А можетъ, изъ страшной завѣи,
Что въ мірѣ ведеть истребленье,
Не встанутъ - ли груды развалинь,
Одно пепелище и тлѣнье?

А можетъ, въ борьбѣ исполиновъ
Достигнетъ все зло перелома
И Богъ межъ людей поселится,
Въ предѣлахъ стариннаго дома?

Минута придетъ пробужденья
И люди, что долго такъ спали,
Проснутся, стыдясь, и учуютъ,
Что монцы въ нихъ кости изъ стали?

Позванивать больше цѣпями
Не будуть, забудутъ мученья
И окомъ своимъ соколинымъ
Усмотрять исходъ искупленья?

Искать его даже не будутъ,
А въ хитрыхъ разсчетахъ богаты,
Могучія вытянуть руки,
И будутъ всѣ тюрьмы разъяты.

Подъ смѣлою, твердою дланью,
Сильнѣйшей, чѣмъ вскинутый молотъ,
Сомнутся замки и засовы,
Запоръ, хоть желѣзный, расколотъ.

О, если бъ тотъ часъ достославный
Въ которомъ надежды въ расцвѣтъ,
Ужъ нынѣ живою стала правдой,
Сталь преполовенѣемъ столѣтій!

И всѣмъ вопреки притязаньямъ,
Всѣ доводы слились въ конечності.
Что вѣчность двоякая въ мірѣ
Слагаетъ единую вѣчность.

Что въ вѣчности, ликъ свой скрѣпившей,
При звонѣ такого считанья,
Никто не появится въ черномъ,
Ни въ комъ не возникнеть риданье.

Что, ежели новую вѣчность
Открыли кровавыя рѣки,
Такъ мы славословью *Te Deum*
Внимать уже будемъ вовѣки.

И пусть открываются раны,
Кровь льется въ обильномъ разливѣ,
Но вѣчность такая взросла бы
На такъ унавоженной нивѣ.

Пусть на кострѣ богатырскомъ
Лучшее сердце сгораетъ,
Если зажгла его вѣра
Въ ту вѣчность, что не убываетъ

Что, если бъ и все истлѣло,
Изъ норки какой-нибудь тайной
Посыплются яркія искры
На костеръ бытія чрезвычайный.

То вѣрно, то вѣрно, то вѣрно, —
Пусть та достовѣрность мнѣ дышнетъ! —
Часъ будетъ, — прозрѣютъ слѣпые,
Часъ будетъ, — глухіе услышатъ.

Тотъ часъ, что никъмъ не предвидѣнъ,
Предвидѣнныи въ вѣцѣ отвагѣ
Лишь тѣми, кто видитъ безмѣрность
Въ размѣренной капелькѣ влаги.

Что - то кругомъ измѣнилось, —
Печаль тяготитъ безотчетно!
Надъ лугомъ, на берегъ рѣчки,
Сѣрѣютъ, блѣдѣютъ полотна.

Было когда - то затменье, —
Что - то заныло такъ глухо...
Что же? Твой быть раздвоился?
Тѣло отпало сть духа?

Тъи - ли твоя туть съ тобою?
Кто - ли иной наклоненный,
Коего линь привидѣнъе
Видѣть твой взоръ опьяненный?

Ты не разслышалъ - ли, другъ мой,
Что паверху рѣшено тамъ?
Вѣчно - ли медлить въ постели?
Ну же! Вставай! И къ работамъ!

Рано вчера въ подвечерье,
Можетъ быть, въ полночь и поздно,
Смерть забрела подъ ворота
И грохотала тамъ грозно.

Кто бы хотѣлъ отворять ей?
Крови съ ней, крови — несчетно!
И надъ рѣкою, надъ лугомъ,
Сѣрѣютъ, бѣлѣютъ полотна.

Слушайте... Слышите?... Къ чорту!
Иль затѣнилъ вами кто уши?
Кому скрипачи бы играли?
Смыглюкъ все нѣмѣе, все глушне.

Приполали отъ закраины иекла,
И отребье же, вытарки, пѣна: —
У однихъ что - то выжрало очи,
У другихъ раздробило колѣна.

Дайте краюшку имъ хлѣба,
Хоть слушать ихъ вы не хотите!
Фиолетовы губы, завяли,
И умершіе ходять, глядите.

А можетъ, все это обманы?
Кошмарное Богъ вѣсть откуда?
Глянь! Солнце весь лѣсъ озарило
Залѣgło по землѣ свои чуда.

Косу кто - то на полѣ точить,
Не сказка, повѣрю охотно.
Надъ брегомъ рѣчнымъ, надъ лугами,
Сѣрѣютъ, бѣлѣютъ полотна.

О чѣмъ я спроенѣть собирался?
Пріятели, гдѣ намъ дорога?
Какъ? Гдѣ? Почему? Что? — Умолкни!
Вопросовъ въ мѣшкѣ слишкомъ много!

Одно только мнѣ изъясните,
Не вижу, скажите словами: —
То правда - ль, что Богъ себя вовсе
Своими же скжегъ головнями?

Спросиши я у дерева: Молви!
Листки его трону средь чащи, —
Сейчасъ вѣсъ умолкли языки
Все стало пустыней молчащеї

О, листья, зеленые листья,
Вы ласковы, въ лепетахъ, въ свѣтѣ...
Кто громко сейчасъ вопрошаєтъ,
Не правды онъ ищетъ въ отвѣтѣ...

Каждый тантъ ее въ сердцѣ,
Какъ могъ бы повѣдать другому?
О, листья, зеленые листья,
Какъ? Что? По закону какому?

Предивно! Вотъ здѣсь, подъ ногами,
Трава шелеститъ безпримѣрио,
А все жъ о безумьѣ небесномъ
Я вѣсть получить — достовѣрио.

Порвались, миѣ молвили, связи
Табуиъ, сумасшедшие кони...
О, листья, зеленые листья,
Тамъ пьяный за пьянымъ въ погонѣ!

Рокъ свой сама упредила
Доля, спѣша безотчетно...
Надъ брегомъ рѣчнымъ, надъ лугами...
Сѣрѣютъ, блѣдѣютъ полотна.

28

А тѣ, что извѣдавши зиоя,
Навѣки легли среди боя,
Пусть спять въ благодати покоя.

Сразилъ Ты ихъ, Господи Боже,
Никто не покинеть ужъ ложе,
Что кровью залито негоже.

Скосилъ Ты ихъ острой косою,
Ужъ имъ не кивнуть головою,
Омытой кровавой росою.

110

Въ солдатской одежѣ, всѣ рядомъ,
Съ кровавымъ загашеннымъ взглядомъ,
Отрядъ здѣсь улегся съ отрядомъ.

Предъ тѣмъ, какъ осунулись плечи,
Для нихъ кто хотѣлъ - ли при встрѣчѣ
Зажечь панихидыя свѣчи?

Кто вѣки прикрылъ имъ и зрѣнье,
Чтобъ слѣпо пошли въ разъяренѣ
Рѣки, что для всѣхъ — потопленье?

Гдѣ яростны бури и войны, —
Кто гробъ имъ даруетъ достойный,
Чтобы сонъ знать за смертью — спокойный?

Здѣсь нѣть ни отца, ни родимой,
Блѣднѣютъ въ ночи нелюдимой,
И сумракъ вокругъ мертвыхъ, какъ дымы

Лежать на кровавой постели,
За смертной грозой онѣмѣли,
Корабль оттолкнется отъ мели.

Корабль, упливешь ты, суровый,
Твой парусъ подъ вѣтромъ, хоть новый,
Изъ саванной вытканъ основы.

Плыви и не жди такъ измѣнио,
Чтобъ жертвы, скользя перемѣнио,
На дно къ тебѣ падали пльянно.

Псы - вихри, что были на сворѣ,
Сорвались, но сыто ужъ море,
Довольно, плыви на просторѣ.

Несыта подземная злоба,
Но большие не нужно ей гроба,
Вся кровью залита утроба.

Отходять до грани незримой,
Сестры иѣть, жены иѣть любимой,
Въ минутѣ, несущейся мимо.

Тѣ жертвы преестественныхъ столѣтій,
Въ чудовищномъ молнииномъ свѣтѣ,
Ушли, не увидать ихъ дѣти.

Уходяты, залитые кровью,
Тоску оставляя здѣсь вдовью,
И старцевъ съ печальной любовью.

Далеко, тамъ гдѣ - то, когда - то,
Любиль не одинъ, можетъ, брата,
Судьба его бурею смята.

А можетъ быть, встрѣтились... Гдѣ же?
Братъ принялъ мученія тѣ же,
Здѣсь кровью обрызгать онъ свѣжей.

Тотъ въ ликъ быль застрѣленъ, тотъ съ тылу,
Обоихъ, растратившихъ силу,
Ихъ въ братскую бросяты могилу.

И братъ тамъ увидить - ли брата?
Обниметь - ли такъ, какъ когда - то,
Въ предѣль уходя безъ возврата?

Идя этимъ призрачнымъ краемъ,
Гдѣ сажею мірь облекаемъ,
Вздохнуть - ли: «Другъ друга мы знаемъ!»

Глаза — послѣ пули — безъ страха,
Изломаны руки средь праха,
И въ пятнахъ кровавыхъ рубаха.

О, дай же имъ, Грозный, любови,
Въ бессмертной почтить имъ основѣ,
Землѣ возродиться изъ крови!

Веселую новость скажу вамъ,
Не часто услышишь такую: —
Приходить вчера ко мнъ гости,
Гудочкини въ полночь глухую.

Я спалъ, — пу и что - жъ — разбудили
Тутъ пѣть для упрековъ предмета: —
Плѣнительный, ласковый мѣсяцъ,
Хорошее лѣто.

Ну, двери предъ ними я настежь...
Какъ дивно они поблѣднѣли, —
Отъ мѣсяца это, должно быть...
Прощу ихъ покорно, чтобы сѣли.

Моихъ приглашеній не слышать,
Какъ врыты, стоять, не мигая, —
Стоять, какъ пришли они, съ гудомъ,
Любимую пѣсню играя.

Спасибо, спасибо вамъ... Только
На мигъ отдохнуть бы вамъ — гоже!
Вѣдь жизнь не одна линь работы,
И отдыхъ — изъ жизни онъ тоже.

Приходу я вашему радъ здѣсь,
И я вамъ пусть буду нелипній: —
Устали отъ долгой дороги,
Откуда приводить Всевыпній?

Идете, видать, издалека,
Всѣ новости столь намъ прелестны...
Гляжу я на ваше обличье,
Знакомы вы иль неизѣсты?

Гей! Вотъ такъ тутъ штука случилась!
Тутъ случай — не можетъ быть краше!
Приѣхъ, настухи дорогie,
Привѣтъ вамъ, красавцы вы наши!

Процались мы съ вами недавно,
Былъ шопотъ, что, можетъ, навѣки!
Шутилъ я, что встрѣтимся снова,
Нѣ дѣлять нась горы и рѣки.

Въ чужія направились страны,
Узнать обо всемъ пріятно,
Не мало чудесъ новстрѣчали, —
Повѣдайте! Знать намъ занято!

Что за причина? Молчите!
Иль недостоинъ отвѣта?
Живъ я, живу, это правда,
Но не порочу я свѣта.

Слышалъ, слыхали иные,
Гдѣ - то тамъ битвы и войны!
Можетъ, злой духъ васъ настигнулъ?
Скученъ удѣль вамъ спокойный?

Такъ все одно да и то же
Радость совсѣмъ небольшая!
А барабанъ — веселье,
Кровь въ нась течеть боевая!

Гулъ пушекъ, свистъ пуль, это игры,
Бряцаніе музыки древней!
А скрипки здѣсь ваши смѣшны мнѣ,
Онѣ бы умѣстнѣй въ харевнѣ!

Стойте! Постойте! Минутку!
Знаю я пѣснъ въ этомъ строѣ, —
Слышала въ счастливое время,
Нынѣ же время презлое!

«Груны все поле покрыли...»
Вѣдомо цѣлому краю.
Сыграна пѣснѣ! Но играйте!
Въ сердцѣ пусть смѣхъ я качаю!

«Груны покрыли все поле.
Богъ посмѣялся надъ нами,
Адъ посмѣялся надъ небомъ,
Манить кровавыми снами.

«Небо, утративши разумъ,
Въ ссорѣ само же съ собою,
Выпустить жертвы не хочетъ,
Губить одну за другую.

«Этотъ сраженъ быть желѣзомъ,
Пулей сраженъ я свинцовой,
Праздникъ быть нашъ образцовый,
Вотъ мы къ вамъ съ музыкой новой.

«Тотъ въ нашемъ кругѣ, что третій
Живъ еще былъ предь минутой: —
Дайте, сказалъ, опереться,
Такъ и оперся, согнутый.

«Такъ и оперся — плечами,
Да не живыми, какъ прежде,
Вѣки зажмурилъ и мыслить.
Вѣрить - не вѣрить надеждѣ?

«Какъ же тутъ быть, не рѣшилъ онъ, —
Лишику не быть намъ съ мечтами,
Часъ для жнецовъ былъ горячій
Гробовщики здѣсь съ серпами.

«Все поприбрали, что нужно,
Справили нашего разомъ,
Хоть еще билось въ немъ сердце,
Хоть и моргалъ еще глазомъ.

«Четвертый... Твои музыканты,
Изъ лунной приходимъ мы дали,
Гудочниковъ, нась полюбиль ты,
И будемъ играть, какъ играли...»

И будутъ играть черезъ жизнь мнѣ,
Ничто ихъ игранье не свяжетъ!
Услышьте веселая вѣсти,
Никто веселѣй не расскажетъ!

30

Мои вы ужъ взянете листья,
Особеннымъ выложены жаромъ,
Осенимъ разметаны вихремъ,
Морозомъ, и бѣлымъ, и старымъ.

Подъ раннюю палы вы клятву,
Присяга была жизнеборна,
Сдается, — земля сократилась,
И корчится солнце упорно.

Размокшей шагаю я троикой,
И судьбы мірскія со мною,
Ко мгламъ провожаютъ, къ обманамъ,
Подъ вашей хожу я рукою.

Раскрыты глаза мои, вижу
Какъ много, предъ зоркостью взгляда,
До грязныхъ васъ мчить придорожий.
Ужъ тысячи лежить васъ громада.

И слухъ мой — раскрытый, я слышу.
Какъ нового къ намъ урагана
Дыханье летить, и деревьямъ
Ударъ въ томъ изъ вражьяго стана.

Идущихъ шаговъ не удержить
Паденіе листьевъ сметенныхъ,
Иду предъ собою, иду я,
Миную ту жатву спаленныхъ.

Хотѣть бы, клянусь я, слынъмъ быть, —
Бываютъ слынны счастливы! —
Чтобъ только не видѣть, какъ тощутъ
Живыя вчерашнія нивы.

Хотѣть бы, клянусь я, глухимъ быть, —
Бываютъ счастливы глухи! —
Чтобъ только не слышать, какъ рѣжутъ,
Какъ горла хрипятъ чуть живыя.

Хотѣлъ бы, клянусь я, хромымъ быть, —
Бываютъ хромые счастливы! —
За смертью не вздумаютъ гиаться,
Не милъ имъ тотъ шагъ торопливый.

Когда все окончится это, —
Страшитъ самый призракъ злодевья, —
Вы вянете, ольхи, все болыше,
Желанныя сердцу деревья!

Весну свою, ясени, нѣжно
Вы въ душу мою изливали.
Какъ страшно, что съ вами я долженъ
Прощаться въ столь тяжкой печали!

Въ иную минуту — мой Боже!
Всегда тяжела намъ разлука, —
Но я бы нашелъ и утѣху,
Вѣдь грусть и мечтанье — не мука!

А нынче, — о, красные буки,
Вы стражи! — мнѣ въ сердцѣ все хуже: —
Въ червонности вашей, сдается,
Я вижу кровавыя лужи.

Вы, яворы алаго цвѣта,
Уборь вашъ горить пламецвѣтно,
А мнится потонѣ мнѣ, что тонить
Все то, что для сердца завѣтно.

Вы вянете, вянете, листья,
Особеннымъ выжжены жаромъ,
Осенимъ разметаны вихремъ,
Морозомъ изъязвлены старымъ.

Пожелтели поля, истомились,
Небеса все бледнѣй и бледнѣе,
И вдыхаю я жадною грудью,
Тихо осень надвинулась, вѣя.

Я тяжку, что кругомъ, — небогато,
Больше нѣть ликований расцвѣта,
А съ чего-то не жаль мнѣ сегодня,
Что приснилось и кончилось лѣто.

Въ этой пустоши, въ томъ утомленьи,
Что въ глазахъ возрастаетъ такъ зrimо,
Жизнь такую же чую я сердцемъ,
Какъ въ веснѣ, что вспорхнула — и мимо.

На межѣ задержался я длинной
И до жнива склоняюсь, мечтая,
Та же самая въ травахъ увядшихъ
Очевидна мнѣ тайна святая.

Весь какъ затканъ тотъ лѣсь побурѣвшій
Въ призамгленные тѣни - уборы,
И несмѣло мерцаютъ на солнцѣ
Отъ снѣговъ побѣлѣвшихъ горы.

Зачарованный обликъ безъ жизни,
Точно смерть — вотъ ужъ близко здѣсь гдѣ - то,
На высотахъ костры загорѣлись,
Это осень средь дыма и свѣта.

Пастушокъ худощавый, не лѣтній,
Взоръ направилъ ко мнѣ боязливый, —
Еще стадо уныло пасется,
Проходя исхудалой той нивой.

Еще чуешь какую - то свѣжесть,
Что одѣла и ниву, и склоны,
И скликаются крикомъ прерывнымъ,
Неуютныя вьются вороны.

Улетаютъ и гинуть — тамъ, въ даляхъ, —
Злыя мысли умчали и муку, —
Горсть земли отъ распаханной пашни
Я беру въ свою жадную руку.

Упояюсь тѣмъ запахомъ свѣжимъ,
Жизнь въ немъ скрыта, — проснется въ вор-
[ратѣ, —

О, рождающая нынѣ, какъ прежде,
О, святая, о, плодная Мати!

Ты — желанность, ты — кладъ мой дрожайшій,
Я разстаться съ тобою бессиленъ, —
На дорогу тростникъ забѣжалъ здѣсь,
Опь зеленый, не желтъ и не пыленъ.

На межѣ, позакиданной щебнемъ,
Можжевельникъ свой кустъ закурчавилъ,
Опь въ красѣ фіолетовыхъ ягодъ,
Опь вседневный нарядъ свой поправилъ.

Скучновато теченье потока,
Опь изсохъ за истекшее лѣто,
Посреди всѣхъ бурьяновъ прибрежныхъ
Смотрить цвѣтикъ златистаго цвѣта.

Опь послѣдній, — ужъ это навѣрно,
Ужъ другихъ не видать здѣсь на тризны,
Но въ сегодняшней пустоши этой
Чую вѣчное вѣянье жизни.

И въ исчерпанной этой истомѣ,
Полной сумрачныхъ, странныхъ предночій,
Та же самая вѣчная тайна
Открываетъ, колдуя, мнѣ очи

Позавяли поля, позаснули,
Небеса все блѣднѣй и блѣднѣе,
И вдыхаю я жадно грудью
Тишинь, что дышеть, вся осенью вѣя.

Какъ духъ убаюкать? Покой дать,
 Взамѣнъ всѣмъ тревогамъ безсмѣниымъ?
 У лиственницъ зелень поблекла
 И златомъ зажглась драгоцѣннымъ.

Близъ ивъ, — тутъ какъ разъ на дорогѣ, —
 Увядшіе листья, ихъ кучи,
 Съ верхушекъ, на солнцѣ дремотныхъ,
 Листокъ опадаетъ летучий.

Такъ тихо онъ падаетъ, нѣжно,
Онъ такъ оторваться умѣеть
Отъ жизни, что смерти не чуешь,
Неслышно, безшумно онъ рѣтъ.

И яворы, въ бронзу одѣты,
Послѣдняго ждуть ужъ мгновенія,
Пронграна здѣсь достовѣрность,
Проиграно — съ часомъ сраженье.

И все же подумать возможно - ль,
Въ недвижность взирая березы,
Одѣтой въ шелка отневые,
Что дремлютъ въ ней зимнія грозы?

Идеть необычное что - то,
Его ощущаешь по скатамъ.
У лиственицъ зелень поблекла,
Зажглась пламенѣющимъ златомъ.

Идемъ мы, о, братъ мой, далеко,
Дорога тебя утомила?
Опрись же со мной надъ потокомъ
На черныя эти перила.

Такой же, какъ ты, человѣкъ здѣсь
Построилъ давно перекаты,
И мостъ стерегутъ они честно,
А видишь, нашъ мостъ — небогатый.

Колеблется съ каждымъ онъ шагомъ,
Но будемъ въ пути мы прямыми,
Иначе не пустить нась пропасть,
Зияя въ туманахъ, какъ въ дымѣ.

Не возвращаться жъ отъ страха?
Карта соперниковъ бита!
Лѣто осталось за нами,
Осень предъ нами открыта.

Ласкается къ намъ, улыбаясь,
Съ лицомъ, алой краской объятымъ
У лиственницъ зелень поблекла,
Пылаеть расплывленнымъ златомъ.

Ущельемъ потокъ пробѣгаеть,
Въ извѣчныя бьется онъ стѣны,
Бѣлесыя сини изъ неба
Бѣлять ему бѣлыя пѣны.

Обузданъ порывъ его давній,
Гранитному берегу враждѣ,
Чуть ропицть, чуть шепчетъ съ собою,
Покинулъ бы горные кряжи.

Ольхи — кайма побережья —
Смотрятся въ этомъ потокѣ,
На лиловатой корѣ ихъ
Блескъ отразился далекій.

Вянеть, скользя, новилица
Прильнула къ обвѣтреннымъ глыбамъ, —
О, тихій предѣлъ неподвижный! —
По каменинымъ вьется изгибамъ.

Увянеть... И въ этомъ - ли зелье
Сердечнымъ тревогамъ безсмѣннымъ?
У лиственицъ зелень поблекла
И златомъ горить драгоцѣннымъ.

33

Въ осенне время блуждая
Но жниву, по желтой пустынѣ,
Въ душѣ уловляю я чувство,
Что пустошь въ душѣ моей нынѣ.

Быть можетъ, то сонъ, наважденье,
Рожденіе тѣхъ привидѣній
Безлиственныхъ этихъ деревьевъ,
Въ которыхъ надрѣчныя тѣни?

Быть можетъ, кошмаръ это только,
Нисшедшій во мглѣ безразличій
На духъ человѣка, который
Гордился богатствомъ добычи?

Объ этомъ къ чemu вопрошанья?
Шуршу я сухою травою,
Должно быть, и душу мнѣ сущить
Та осень съ своей тишиной.

Наду - ли я срѣзанной вѣткой
Иль садомъ раскинусь цвѣтисты мъ,
Въ душѣ уловляю я чувство,
Что полонъ безплодьемъ я мглистымъ.

И страшио за душу свою мнѣ: —
Что ждеть въ той грядущей дорогѣ,
Какъ руки мои одряхлѣютъ
И вдругъ останавливаются ноги?

Какимъ воздухнетъ она вздохомъ,
Какое исторгиетъ моленѣе,
Когда озаритъ пламеострый
Архангела мечъ ея зреинѣ?

Сгоритъ - ли стыдомъ въ то мгновеніе
Иль счастіе свѣтъ въ ней пробудить,
Когда Правосудьемъ Верховнымъ
Отмѣчено лучшее будеть?

Въ тотъ часъ, какъ Верховная Сила
На плечи ей длань свою сложить,
Та тяжесть сломаетъ - ли душу
Иль гнѣтъ она вынести возможеть?

Когда до глубинъ ея тайныхъ
Коснется надежда на вѣчность,
Невольно она не шепнетъ - ли: —
«Достойна - ль я знать безконечность?»

Такіе терзаютъ вопросы,
Растуть неотступно мученья,
Когда въ тишинѣ опущаю
Осеннее я дуновенье.

И вотъ, когда вижу я поле,
Гдѣ братъ мой на пашнѣ какъ въ кругѣ,
Хочу, чтобы въ душу глубоко
Мнѣ Божіе врѣзались плуги.

Сошникъ пусть, какъ міръ нашъ, огромный,
И твердый, какъ ужасы дыбы,
Въ минуту небесныхъ возмездій
Распашетъ въ душѣ моей глыбы.

Пусть пласть за пластомъ онъ отвалитъ,
Желѣзомъ пусть борозды взроетъ,
Гдѣ Богъ съ человѣкомъ ходилъ бы,
Да совѣсть въ насъ силу удвоитъ

Не будетъ тогда ощущенъя,
Которое иныѣ я чую,
Что осень, идя съ тишиною,
Листву лишь разносить сухую.

Что ивы, вчера столь живыя,
Стоять надъ рѣкой, какъ видѣнья,
Что лишь одѣваются въ блестки,
Хоть золота въ нихъ распаленье.

Не буду имѣть впечатлѣнья,
Правдиго оно или ложно,
Что духомъ бесплодье владѣсть,
Что больше въ немъ жизнъ невозможна.

Кто могъ бы подумать, что нынче,
 Въ ноябрѣ, въ этотъ день листопадный,
 Рой пчелъ на кустарникѣ въ цвѣтѣ
 Разужжался веселый и жадный.

Нашъ садикъ увялъ, и осталось
 Въ расцвѣтѣ одно лишь растеніе,
 Знать, изморозь, утренній ипей
 Не дохнуль на него умерщвленье.

Ужъ сиѣжныя были завѣи,
Морозъ быль меѧ всѣхъ придорожнїй,
И холоду только не сдался
Тотъ цвѣть, столь пленительно Божій.

Миѣ имѧ его неизвѣстно,
И тщетно я думаль, пытливо,
Кого бы, кто знаетъ, спросить миѣ,
Какъ звать это дивное диво.

Такой этотъ цвѣтикъ невидній,
Такъ скромны его волоконца,
Что меныше наряда и блеска
Не помню въ краинѣ я солнца.

Однако жъ готовъ я воскликнуть,
Глазами къ нему приникая,
Что кустъ этотъ кустъ есть горячій,
Пророческій кустъ онъ Синая.

Онъ весь въ голубыхъ нереливахъ,
Въ коронѣ изъ звѣздъ онъ веселый,
Большая въ немъ ласковость скрыта,
И ею приманены пчелы.

Призывъ этотъ медомъ заправленъ,
Въ немъ полное сладости слово,
Хоть каждый тотъ маленький кубочекъ
Чуть блеска таитъ золотого.

Я ульевъ не вижу въ деревнѣ,
Далеко ихъ строй хлопотливый,
Но пчелы внимательнымы роемъ
Летять и летять на призывы.

На кустъ на горящій примчатся,
Прильпятся тамъ хороводомъ,
Звенять подъ стѣной моей хаты,
Жужжа, наслаждаются медомъ.

Впиваются въ чаши расцвѣта, —
Согнать ли ихъ съ той благодати? —
Такъ любо пчелиному роду
Въ томъ липкомъ тонуть ароматъ.

Межъ тучъ, гдѣ готовится выюга,
Минутами солнце заблещетъ,
Живому дыханію вторить
Надъ цвѣтомъ жужжанье трепещетъ.

Во мнѣ тоже блески и звоны,
Душа моя видимо рада,
Что видитъ и цвѣть тотъ, и пчель тѣхъ
Въ печальные дни листопада.

Служанка, служанка ты дома,
 Мы служимъ здѣсь оба съ тобою,
 Вратъ вѣчности вѣрные стражи,
 Радаемъ, какъ быть намъ съ судьбою.

Недавно другъ друга узнали,
 Мы вмѣсть съ тобою недавно,
 А чудится, Божкимъ приказомъ
 Мы слиты вѣка ужъ, то явно.

А чудится, встреча та наша,
Дыханье души моей цѣлой,
Случилась въ тѣ дни, когда память
Ни глазъ, ни ушей не имѣла.

Когда устремленъе въ безвѣстность,
Чьи первые ходы убоги,
Безкрылость свою сознавало,
Не зная грядущей дороги.

И вотъ отъ поры той, повитой
Въ проозрачную мглу первовѣсти,
Совсѣмъ другъ о другъ не зная,
Все жъ были съ тобою мы вмѣстѣ.

Въ безвѣстное выйдя скиталье, —
Тамъ кочки, трава тамъ густая, —
Шли въ мірѣ рука мы съ рукою,
Хоть руки скимались, не зная.

Когда же на мигъ отдыхали,
Елуждая надѣ пропастью дымной,
Въ зрачки мы другъ другу смотрѣли,
Не зналъ объ этомъ взаимно.

Огонь въ насъ въ огонь погружался,
Въ волнахъ потоплялися волны.
Что наши уста это были,
Мы были - ль предчувствія полны?

Шли благостью мы и грѣхами,
Дорогой побѣдъ, пригненій,
Не мысля, что собственно это
Тѣней нашихъ легкія тѣни

Пока не дошли мы до грани, —
Какъ трудно, — тяготы велики! —
Гдѣ жизнь, одѣваясь въ свой обликъ,
Въ дѣйствительномъ видится ликъ.

Не пышный онъ, домъ этой жизни,
И стѣны его невысоки,
Но къ сердцу средь нихъ прижимаю
Служанки я ликъ яспоокій.

Но тамъ, за стѣной, за порогомъ,
За узкою оконъ каймою,
Тамъ міръ распростерся безмѣрный,
Наполненъ старинной тоскою.

Давнишней тоскою, извѣчной,
Что вковала въ пропасти духа: —
Не каждый въ себѣ ее видѣть,
Тотъ зовъ — не для каждого слуха.

Но мы — и легко, и съ усилиемъ —
Нашъ трудъ повседневный, безслѣдный
Свершая, — на окна мы смотримъ,
Чудесно богаты, хоть бѣдны.

А подъ вечертъ, въ часъ, какъ природа
Нокойша и миръ по дорогамъ,
Мы слушаемъ, голоса иѣть - ли
За нашего дома порогомъ.

А если дыханіе Божье
Примчить ураганъ безконечный,
Разъяли бы мы эти стѣны,
Просторъ бы вдохнули мы вѣчный.

Изъ вѣчности смерть къ намъ крадется,
Спѣшить — поспѣшаетъ — такъ надо.
Мы съ радостью жизнъ принимали,
Мы примемъ и смерть здѣсь съ отрадой.

Служанка, служанка ты дома,
Мы служимъ здѣсь оба съ тобою,
Вратъ вѣчности вѣрные стражи,
Гадаемъ, какъ быть намъ съ судьбою.

36

Хотъль бы открыть нынче сердце,
Какъ утромъ веселую
Рука ключаря раскрываетъ
Засѣтия двери костела.

Хотъль бы, чтобъ міръ пробужденный,
Лучи устремляя въ просторѣ,
Излиль ихъ въ мой храмъ сокровенный
Какъ рѣки, входящія въ море.

Свѣтлѣе всѣхъ солицъ просвѣтленныхъ,
Богаче всѣхъ рѣкъ полноводныхъ,
До глуби души пусть втекаютъ
Потоки лучей тѣхъ свободныхъ.

Пускай наполняютъ костель мой
До сводовъ взбѣгая стѣнами,
Пусть грѣютъ Великій Алтарь мой
Взнесенный Ему въ этомъ храмѣ.

Когда все внутри озарится,
Пріявъ лучевые одежды,
Быть можетъ, увидяты зѣницы,
Что близки къ свершенью — надежды.

Что Онъ, Кто есть самъ лучезарность
И любить весеннюю радость,
Взойдеть на амвонъ мой, затѣмъ что
Служить Ему вѣрно — миѣ сладость.

Въ часовнию взойдетъ Онъ, гдѣ свадьба,
Гдѣ все — до Него пріниканье,
Безъ тьмы, по угламъ затаеній,
Безъ думы, чье мрачно мельканье.

Хотѣль бы открыть нынче сердце,
Какъ утромъ весною веселой
Рука ключаря раскрываетъ
Савѣтныя двери костела.

Но сумерки вижу сегодня
И знаю, что въ храмъ сокровенный
Блескъ свѣта, который разбуженъ,
Рѣкой не войдеть многопѣнной.

И нѣть для Тебя въ томъ упрека,
Молюсь о немногомъ, и многомъ, —
Чтобъ шагъ Твой, идущій по міру
Къ моимъ прикоснулся порогамъ.

Вступи, — все равно какъ Ты вступишь: —
Быть можетъ, мой духъ разгорится,
Быть можетъ, я весь затуманюсь, —
Я радъ предъ Тобой отвориться.

Не все - ли равно, какъ Ты вступишь
До глуби, внутри меня плѣнной,
Какъ молнія, громъ и сверканье
Или тишиной сокровенной.

Придешь - ли, какъ жарь вождельныя,
Придешь - ли въ мой духъ отреченьемъ,
Лиши только бы глубь Ты раздвинулъ.
Внутри проходя пораненъемъ.

Лишь миѣ бы узнать ихъ, узнать ихъ...
Того лишь боюсь, что Тебя - ли
Сумѣть обнять мое сердце, —
Внутри его столько печали.

Хотѣть бы открыть нынче сердце,
Какъ утромъ весною веселой
Рука ключаря раскрываетъ
Завѣтныя двери костела.

Ты палъ далеко оть родимыхъ,
 Ты палъ за чужихъ — и до срока,
 Врага загнала тебя сила,
 Зловолье кроваваго рока.

Народа ты Польского чадо,
 Краины несчастьемъ обильной,
 Я помню, какъ биться за край свой
 Ты жаждаль — ты, юный и сильный.

Я помню, какъ ярко писалъ ты
Простымъ и неопытнымъ словомъ,
Которымъ мы молниою кличемъ,
Укоромъ и старымъ и новымъ.

Васъ врагъ замыкаетъ въ казармы,
Сжимаетъ вамъ сердце мундиромъ,
Чтобъ въ немъ задавить тоскованье,
Съ родимымъ расторгнуть васъ міромъ.

Языкъ вырываетъ вамъ въ горлѣ
Чтобъ не было въ немъ укоризны,
Чтобъ вы не могли отзваться,
Призывы услышавъ отчизны.

Миражи вамъ ставить предъ взоромъ,
Въ нихъ идолы силы обманной,
Чтобъ вы отреклись отъ надежды
Увидѣть день славы желанный.

Затѣмъ, чтобъ, домой возвратившись,
Въ зловражеской чарѣ, въ плѣнены,
Отверглись отъ собственныхъ предковъ
Отъ тѣни, кричащей о мщены.

Чтобъ эти ряды, что въ грядущемъ
Возникнутъ, рожденные вами,
Узломъ отреченнымъ сомкнулись
Съ зловражеской стаей, съ врагами.

Чтобъ васъ, позабывъ милосердье,
Вели, — о, святыня Господня! —
На бой за судьбу, но не вашу,
Какъ врагъ васъ ведеть и сегодня.

Иль кары ужъ иѣть здѣсь на свѣтѣ
Для лжи и линкующей злости,
Что нужно слагать такъ позорно
Въ гроба истомленныя кости?

Нѣть! Нѣть! Въ глубинѣ убѣжденья я, —
Да знаетъ и дальний потомокъ! —
Что мечъ, закаленный обманомъ,
Становится хрупокъ и ломокъ.

Ты паль далеко отъ родимыхъ,
Сынъ матери Польской безчасио,
Ребенокъ той крови, что льется
Все шире, и льется напрасно.

Ты въ замкѣ, отдай свою юность,
Въ саду, гдѣ цѣтовѣ хороводы,
Успулъ вадъ зловѣщей рѣкою,
Гдѣ мутныя, красныя воды.

Коль тамъ, разрывалъся, гранаты
Не смыли послѣднее древо,
Пусть садъ тотъ шумитъ тебѣ глухо
Немолкнувшимъ гуломъ напѣва.

О домъ твоемъ, объ убогомъ,
Рѣка пусть шумитъ, протекая,
Коль кровь въ ней не сдѣлалась льдиной,
Скользить до родимаго края.

38

Доходить ко миѣ издалека
Гулъ пушекъ, — всей силою слуха
Внимаю кровавой той вѣсти,
Что тонеть въ отчаянны глухо.

Быть можетъ, то громъ лишь, не больше,
Придвинулось облако низко,
Горячее лѣто, — и благо,
Гроза такъ далеко, не близко.

150

Не вспыхнеть червонною лентой
Надъ кровлею нашего дома,
Ограда въ саду не зажгется,
И ясень не рухнетъ отъ грома.

И женщины бѣгать не будуть, —
А волосы — вскинутость змѣя, —
Рыдая и грозность судьбины
Никакъ удержать не умѣя.

И я, увидавъ, что ничто ужъ
Не сможетъ отбросить злосчастья
Не встану изъмымъ погорѣльцемъ,
Какъ мертвый, исполненъ безстрастья.

О, счастье! О, радость! О, греза!
Ты жизнь, а не смерть на погостѣ!
Всѣ двери здѣсь настежь открыты
Тебѣ, наилучшей изъ гостей.

Души замыкать - ли врата мнѣ?
Охоты къ тому не имѣю,
Отъ кубка надежды златого
Съ танцующимъ сердцемъ нянѣю.

Вотъ гулъ повторяется снова...
Къ землѣ припадаю безкрайной,
Ей вѣдомо то, что безвѣстно, —
Скажи, предъ какою я тайной?

Скажи мнъ, о, Матерь, какую
Угрозу тотъ грохотъ свирѣнть?
Но Мать, — сражена ли боязнию? —
Молчить, и проходить въ пей трепеть.

Ужели же правда, какъ молвять.
Самъ Дьяволъ, исполненный смѣха,
На небо взметнулся съ разгромомъ,
Ярить сумасшедшее эхо?

Нѣть! Нѣть! Это топотъ вдоль моста,
Что вскинуть надъ оной рѣкою,
Что мчить свои волны до моря,
Чтобъ съ синею быть глубиною.

Припомнилъ старинный пріятель.
Давнишняго вспомнилъ онъ друга: —
Когда - то закрылъ ему память,
Теперь съ нимъ вся хмельность досуга.

Раскрыть золотую конюшню,
Четверку быстрѣйшую голить,
А самъ весь горить петериѣньемъ,
И мость подъ коньтами стонеть.

Такъ, здравствуй же, другъ, мой любимый!
Раскрылъ я и двери, и дверцу.
Хотъ поздно ты Ѣдеши, а радость.
Отъ сердца дорога есть къ сердцу.

Души замыкать ли врата миѣ?
Охоты къ тому не имѣє,
Отъ кубка надежды златого
Съ танцующимъ сердцемъ хмелѣю.

Давно ужъ отъ нашихъ пороговъ
Вся пыль сметена безъ уклона.
Эй, Мать! Эй, Земля! Гдѣ же други?
Чего такъ дрожитъ твое лоно?

Ужели ты думаешь вправду,
Что въ той сторонѣ, тамъ, за нами.
Твои истребляются дѣти,
Врагами сражаясь съ врагами?

Что гулъ тотъ не громъ и не топотъ,
А грохотъ такой колесницы,
Что все раздробляетъ и давитъ,
Людей, и поля, и станицы?

Что, если прошли тѣ колеса,
Лишь пустоши всюду, суровы,
И зарево сѣтить пожаровъ,
И плачутъ сироты и вдовы?

Что вмѣстъ съ прошедшимъ, упавшимъ,
Утопленнымъ въ собственной крови,
Великая будущность тонеть,
Напрасно взывая о нови?

Нѣть, Мать, нѣть, Земля дорогая,
Невѣренъ быль слухъ мой усталый!
То — горное эхо! Тамъ кто - то
Дробить между срывами скалы!

Тамъ много, такъ много гранита,
На домъ, на дороги, костелы,
Какой открывается міръ мнѣ,
Какой я сегодня веселый!

Души замыкать ли врата мнѣ?
Охоты къ тому не имѣю.
Отъ кубка надежды золотого
Танцующимъ сердцемъ пьянѣю.

39

Миръ, загорѣвшись, пылаеть,
Нусть онъ горить раскаленнымъ..
Только бы наше сердце
Не было въ нась спаленнымъ.

Только бы эти дымы,
Что ползутъ по землѣ усопшей,
Очей бы не выпили нашихъ,
Мозгъ бы не стать въ нась — потопній.

Только бы трескъ тотъ и грохотъ,
Страшная повѣсть, не дѣтамъ,
Въ насть не затмили сознанья,
Что за угроза за этимъ

Только бы, брошены въ пламень,
Гонимы въ огняхъ пеобытиныхъ,
Не стали мы, какъ калѣки,
Въ проказѣ, на гиоинцѣ, въ пынахъ.

Ибо ужъ валятся стѣны,
Обуглились, лопнуть стропила,
Кирпичъ не одинъ настъ ударилъ
И балка не разъ поразила.

Въ огненной выюгѣ, въ тѣхъ искрахъ,
Что льются изъ дьявольской чаши,
Мнится, теряемъ мы, губимъ
Чувства первѣйшія наши.

Дарь прирожденный, въ скрижали
Записанный въ небѣ вѣками,
Что мы, если клада мы ищемъ,
Должны найти себя сами.

Что, міръ для души захвативши,
Просторы одѣтые въ славу,
Гдѣ душъ миллионы въ созвеняхъ,
Должны сохранить ту державу.

А мы, такъ не разъ мнѣ сдается,
Одно только вѣдаемъ право: —
Дробить, уничтожить, отречься,
Разять свое сердце кроваво.

Толпа, обезумѣвшіи, тушить
Пожаръ — или вновь раздуваетъ,
А въ чёмъ тутъ бѣда наша, скудость,
Того наше сердце не знаетъ.

Въ кричащую гущу насть втиснуть,
А мы еле шепчемъ несмѣло: —
Ахъ, только бы что изъ добытка,
Хоть что - нибудь намъ уцѣлѣло!

Хоти бы плетень захудалый,
Хотя бы избушка какая,
Гдѣ голову намъ приклонить бы,
Отъ бѣдъ и отъ мукъ отдыхай!

Чтобъ было гдѣ можно промолвить,
Въ послѣдний нашъ мигъ исповѣдій,
Что вотъ неурядица въ мысли,
Что бѣтся отчаянье въ бѣдной.

Быть можетъ, тѣ черные дымы
Совсѣмъ ослѣшили намъ взглѣды,
И съ радостью кто же посмотритъ
На новыя зданья - громады?

Быть можетъ, нашъ мозгъ помутился,
Тому кто поможетъ изъяну,
Кто будетъ и мѣрить и числить,
Чтобъ строился домъ нашъ по плану?

Слабѣеть нашъ слухъ, угасаетъ,
И кто же, какимъ же закономъ,
Внимать будетъ иѣснѣ побѣдной,
Что въ даляхъ ужъ зыбится звономъ?

Быть можетъ, въ насть сердце ужъ пепель —
О, если бъ въ сто солнцъ возблестѣло! —
Кто взглянетъ? взглянуть, кто полюбитъ
Свое вѣковѣчное дѣло?

Миръ загорѣлся... Да гибнетъ
Въ огненной выюѣ все глупые.
Только бы цѣльными вышли
Наші произенныя души.

40

На устахъ моихъ рѣдко бываетъ. —
Не хвала это, не укоризна, —
Напоенное кровью завѣтной
Драгоцѣнное слово: Отчизна.

Я видалъ, какъ на рынкахъ торговцы
Выкликаютъ почти до восторга
Это имя, взаимно торгуясь,
Продавая съ публичнаго торга.

Я видалъ, какъ всего подешевле
Устроется съ выгодой люди,
Похвалы получая и прибыль,
Восклицая о Ней, какъ о чудѣ.

Я видалъ, какъ до ногъ Ея, — стыдно
И противно мнѣ вспомнить обѣ этомъ, —
Принашаютъ и плутъ, и мошенникъ,
Приходя съ превосходнымъ совѣтомъ.

Разношерстную видѣлъ толпу я,
Съ опустѣлой душой и лѣнивой,
Что глушать, какъ оркестромъ, тѣмъ словомъ
Каплю совѣсти, искру огнива.

Рѣчи, вѣянье флаговъ, знамена
Ходы, шествія — воть содержанье,
Что собой указуетъ Величье,
О которомъ въ немногихъ сознанье.

Итакъ, не дивитесь, — кто можетъ,
Пойметъ, что тутъ нѣть укоризны, —
Что такъ на устахъ моихъ рѣдко
Засвѣтится имя Отчизны.

Но братъ мой ближайшій съ сестрою,
Что въ траурѣ нынѣ, всѣ въ черномъ,
Тѣ знаютъ, что эту святыню
Храню въ моемъ сердцѣ упорномъ.

Сестръ той ближайшѣй и брату,
Имъ, избраннымъ между другими,
Извѣстно, Желанная есть - ли
Иходить путями какими.

Взрастаетъ тамъ тысячелистникъ,
Тамъ блоконопытникъ на брегѣ,
Сѣщу съ ней, а тополи дышутъ,
За нами ихъ шелесты въ нѣгѣ.

На тихихъ встаемъ мы могилахъ
И слушаемъ мы, что внутри тамъ,
Быть можетъ, разслышится голосъ
И скажетъ о чёмъ - то забытомъ.

Златятся добрѣвшія иивы,
Жнецы уже встали толпою,
Кладеть кто - то длань на чело миѣ
И грзинть сериомъ и косою.

И, голову вдругъ приподнявши,
Маяя еще дальше въ скитанье,
Взываешь: «Люби свою радость,
Лишь въ радости неѣтъ намъ страданья».

Стропиломъ я буду, разсвѣтомъ.
Землею, гдѣ празднікъ, не трисна.
Земля эта — Я — и наивки
Твоя дорогая Отчизна».

Ометы пшеницы злочинецъ
Спалить головней черномѣдной, —
У вратъ извиваясь небесныхъ
Въ отчаянны труженикъ бѣдный.

Зараза придетъ моровая,
Съ неей голодъ — свирѣпые гости,
Въ гробахъ несчистены трупы,
И крестъ за крестомъ на погостѣ.

Какіе - то топоты слышны,
И ржетъ лошадиное горло,
И тучи клубятся густыя, —
И чья же рука бы ихъ стерла?

Въ какомъ - то огромномъ разливѣ
Рѣка заливаетъ кочевья,
Рѣка наливается кровью,
Уносить дома и деревья.

Какіе - то ропоты слышны,
Трепещетъ непознанность пущи,
Дубы отзываются грозно,
Чей духъ это, въ злое зовущій?

Надъ этою долей - недолей
Заря залила придорожья,
На пѣсни мою, пѣсни объ Отчизнѣ,
Заря изливается Боязя.

И пусть на устахъ не мелькаетъ,
Но въ пѣснѣ, гдѣ радость и тrizна,
Но въ пѣснѣ, богатой иль бѣдной,
Живеть мой свѣтильникъ, Отчизна.

Правда - ли то, что весна ужъ
 Легкую поступь торопить,
 Стужу съ земли отгонять,
 Скоро сугробы растопить?

Правда - ль, что нѣтъ тутъ ошибки,
 Вѣрю - ль увидѣло око?
 Свѣтъ широко - ли разлился,
 Входить - ли въ міръ онъ глубоко?

Этому можно - ли вѣрить, —
Что - то на высихъ замѣтишь,
Что - то въ глубинахъ свершилось.
То, что безъ дрожки не встрѣтишь?

Правда - ли сердце ужъ можетъ
Радость учゅять въ минутѣ,
Ибо зима на исходѣ,
Таютъ снѣга перепутай?

Если въ обычные счеты
Глянуть до чиселъ, до строчки,
Еще далекъ онъ, желанный
Частъ, раскрывающій почки.

Еще далеко, что будетъ,
Какъ до соломенной кровли
Листъ въ гнѣзде возвратится,
Грезя о радостяхъ ловли.

Какъ изъ - подъ сиѣжихъ покрововъ
Жизнию заискрится язито,
Такъ что душа чудесами
Грезя, вдругъ встанетъ, какъ врыта.

Часъ, какъ надъ лугомъ и полемъ,
Въ зоряхъ, что ихъ искупали,
Жавронка пѣсни услышишьъ,
Ключъ твоей иѣжной печали.

Еще далеко, что роза
Первымъ засвѣтится цвѣтомъ,
Но уже ранніе разсвѣты,
День дарить долынімъ привѣтомъ.

Солнце излучиной большей
Ходить и грѣеть отъ юга, —
Слишкомъ зима возмечтала,
Не распоется ужъ выюга.

И видѣлъ вчера я, блуждая
По сѣрому парку безъ цѣли,
Какъ свѣжая травка, пучочекъ
Пробился на свѣть изъ - подъ ели.

Когда жъ я домой возвращался,
Вглядѣлся я въ яркія зори
И вижу, что гаснутъ, то правда,
Но гаснутъ съ надеждой во взорѣ.

То все необманные знаки, —
Они еще слабы, не скрою, —
Что къ намъ приближается Чудо.
Оно же зовется Весной.

Прощай, моя книга, прощаюсь!
 Ометь мой, оилотъ многостѣнныи,
 Бѣдна ты въ смиренномъ обличьи,
 Творилъ человѣкъ здѣсь смиренныи.

Просторъ житія необширный.
 Гдѣ я, опираясь на посохъ,
 Страницы твои подбираю,
 Блуждая, читаю ихъ въ росахъ.

Поля - лишь такія, чтобы за день
Стопами измѣрить людскими,
Границы всѣ зrimы, но солнце
Заходить и веходить надъ ними.

Лѣса, до которыхъ я гляну,
Наслушаться шумовъ желая,
Совсѣмъ не уходить на мили,
Сосна мнѣ знакома любая.

Не чаща дремучая это,
Не пуща, где дремлють преданья,
Но все же свои тайны имѣть,
Что манить и шагъ, и желанье.

Ты, книга моя, эти тайны
Не сложинь въ любомъ человѣкѣ,
Но все же пусть отворить онъ уши,
И пусть не замкнетъ свои вѣки.

Какой это маленький домикъ,
И тѣсная это ограда.
Сдается, очей бы, пожалуй,
Сюда направлять и не надо.

Три ясения или четыре,
Считаться - ль съ такою семью?
Цвѣты повседневные вовсе,
Варзеницы скромной грядою.

А все же въ предълахъ тѣхъ скромныхъ,
Въ стѣнахъ что изъ теса, изъ древа,
Свершается жизнь, гдѣ приливы,
Отливы и смѣны напѣва.

Тутъ громко житье или тихо,
И цѣль далека - ли, близка - ли,
Конца своего ожидаетъ,
Сумѣши возникнуть въ началѣ.

И этого хватить. А дальше, —
Тутъ было - ль что съ силою схоже
Иль слабости больше, — обѣ этомъ
Рѣшить усмотрѣніе Божье.

Рѣка моя въ вѣчность стремится,
Мостъ пышный красотъ не удвоилъ,
Здѣсь мостикъ и шатки перила,
Простой человѣкъ это строитъ.

Толпы не пройдутъ этотъ мостикъ,
Его вѣтерокъ даже ранить.
Но съ той стороны, — модетъ, будетъ, —
Душа хоть одна сюда глянетъ.

Сѣть новый здѣсь узрить? Не знаю.
На берегѣ томъ, какъ и прежде,
Достаточно мглы, не развѣять,
Хоть этой я вѣрилъ надеждѣ.

И въ томъ ничего нѣтъ смѣшнаго —
Мать свѣтлой надежды въ той были
Любовь была только, не гордость,
Повѣрять мнѣ тѣ, что любили.

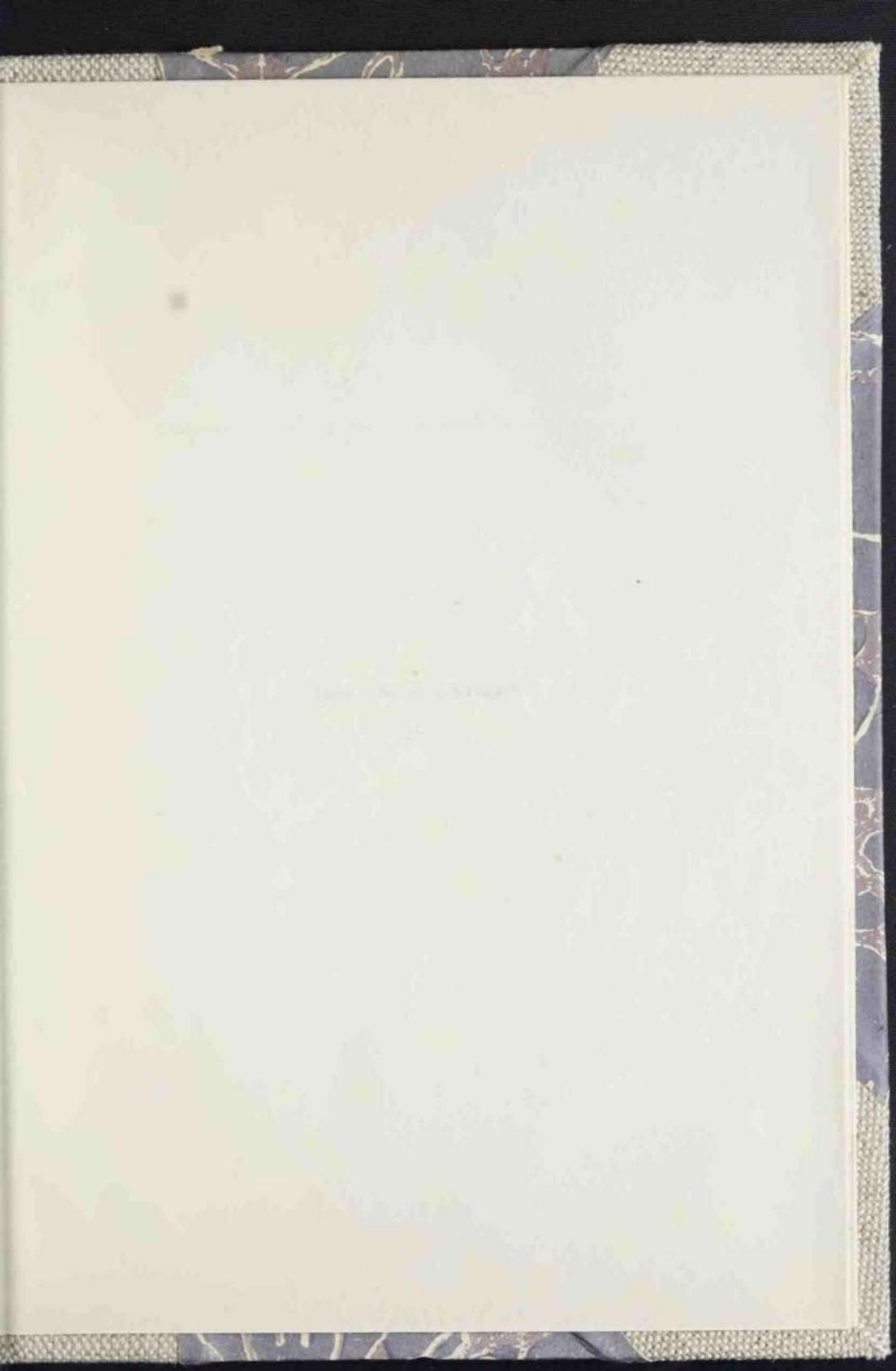
Подъ знакомъ рожденная солица,
Была ты для радостной вѣсти,
Но въ этихъ послѣднихъ страницахъ,
Заботы съ заботами вѣстѣ.

Кто въ этомъ повиненъ?.. Лишь судьбы,
Что слѣпо идутъ предъ собою
И пажитъ смѣющеся жизни,
Какъ пылью, скрываютъ бѣдою.

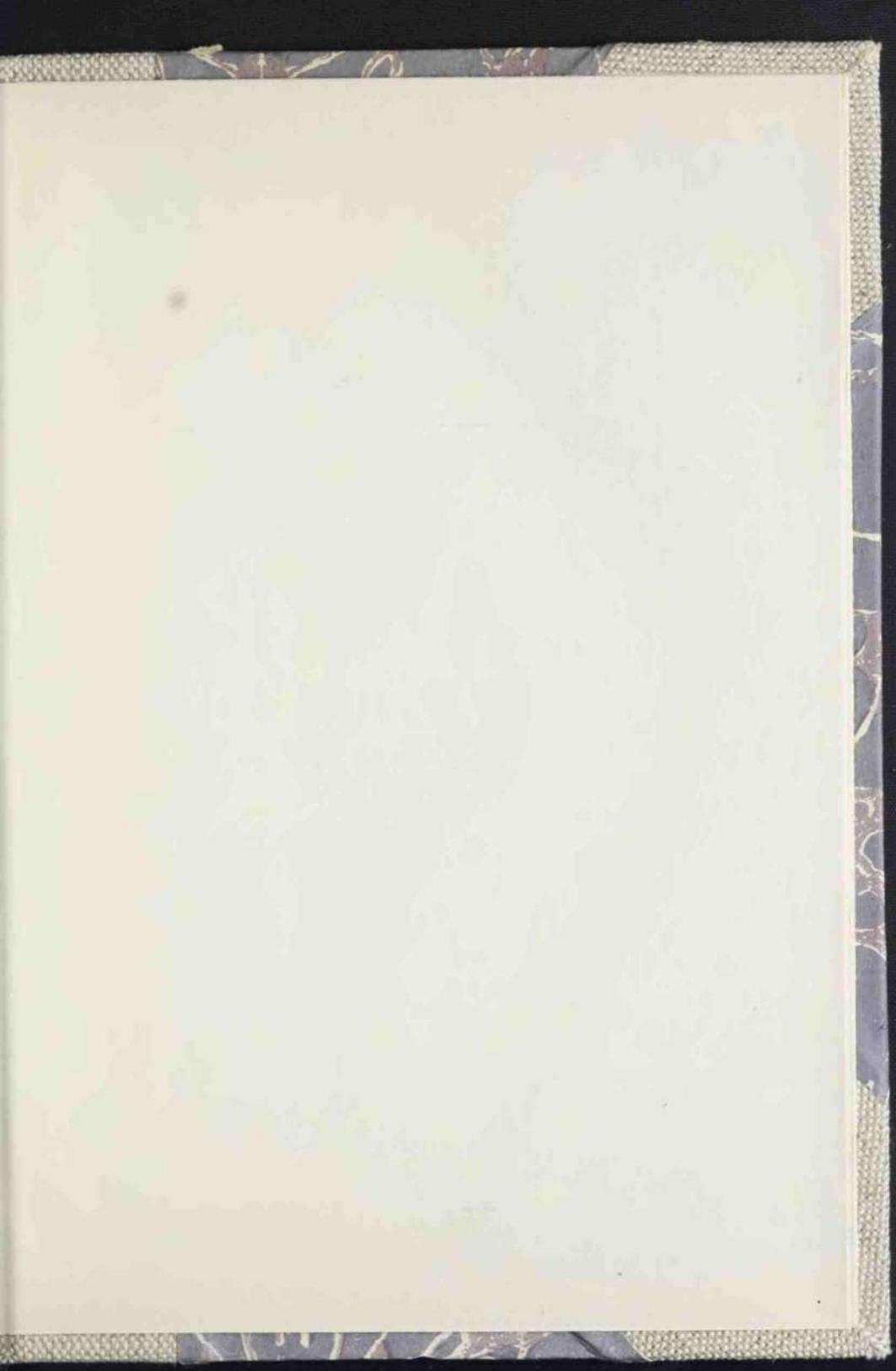
Но кто утруждать не захочетъ,
Себя этой пыльной завѣсой,
Надежду найти, что не впеть,
Узоры зеленаго лѣса.

Прощай, моя книга!.. Судьбу - ли
Сдержать намъ, чей ходъ — неизмѣнны? —
Пропѣль тебя totъ, кто смирененъ,
Полюбившися тѣмъ, что смиренны.

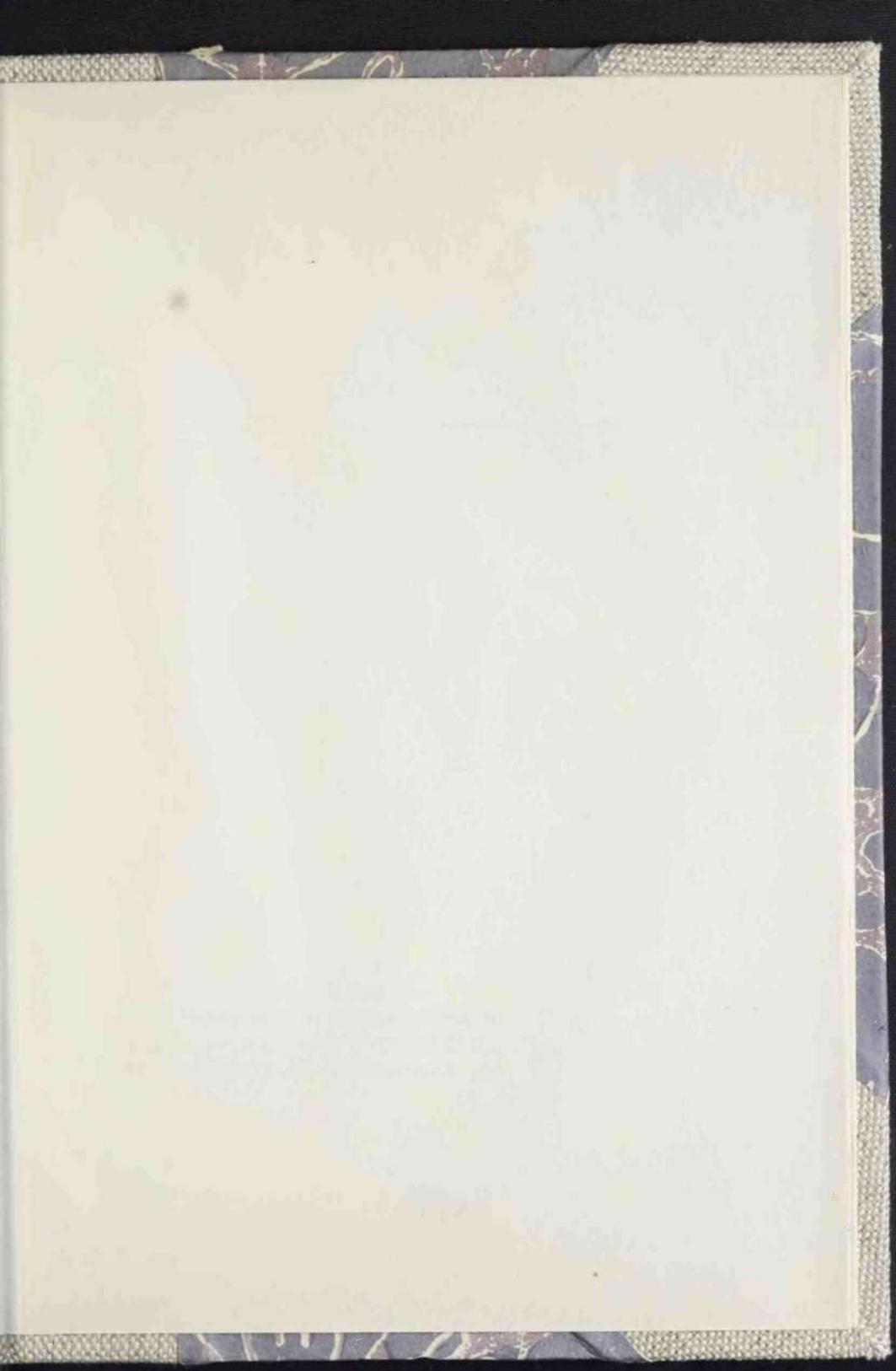

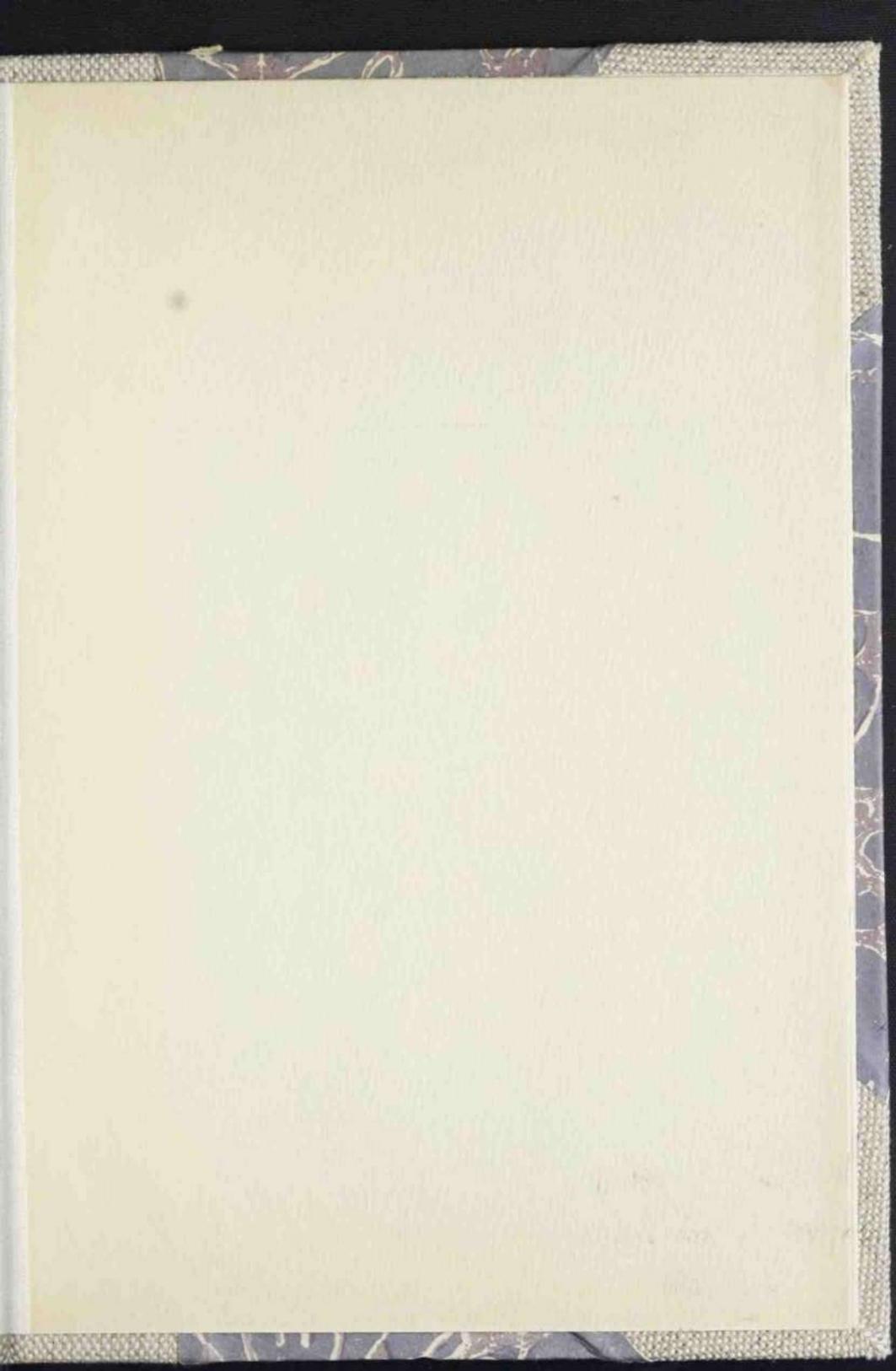
PRINTED IN POLAND

Складъ изданий:
ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИГОТОРГОВЛЯ
„ДОБРО“ ВЪ ВАРШАВЪ
UL. KRAKOWSKIE PRZEDMIEŚCIE 53.

Складъ изданий:

ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИГОТОРГОВЛЯ
„ДОБРО“ ВЪ ВАРШАВЪ
UL. KRAKOWSKIE PRZEDMIEŚCIE 53